

ДМИТРИЙ КАЗАКОВ

Укротители демонов

Лоскутный мир

Дмитрий Казаков

Укротители демонов

«Автор»

2004

Казаков Д. Л.

Укротители демонов / Д. Л. Казаков — «Автор»,
2004 — (Лоскутный мир)

ISBN 978-5-699-28837-3

Смешной, абсолютно невероятный мир. Мир, созданный пестрой компанией богов из кусочков понравившихся им вселенных. Здесь, как в Греции, есть все. Все, что можно вообразить, нельзя вообразить и лучше даже не пытаться воображать! Здесь раздолбай и весельчак Арс Топыряк, с горем пополам обучающийся магии в университете города Ква-Ква, влипает головой в приключения даже чаще, чем хотелось бы! Чем дальше, тем любопытственнее? Чем дальше, тем забавнее!

ISBN 978-5-699-28837-3

© Казаков Д. Л., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Смерть на грядке	5
Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Казаков

Укротители демонов

Всем студентам настоящего, прошлого и будущего посвящается.

Смерть на грядке

Пролог

Представьте себе огромную, длиной в десять тысяч километров, а шириной – в восемь, скатерть, сшитую из множества разноцветных прямоугольных лоскутков. По периметру она огорожена заборчиком из гор высотой в десять километров, по углам торчат еще более высокие пики. В центре поднимается величественный Влимп, обиталище богов, которые, по преданию, и создали этот выкидыш космической фантазии, носящий название Лоскутный мир, из кусков понравившихся им вселенных.

Лоскуты, каждый размером двести на сто шестьдесят километров, состыкованы безо всякого порядка, и разделены четкими границами. Прямая линия может отгораживать джунгли от громаздящихся ледников или безводную пустыню от моря.

Крошечное солнышко, которое светит, но не греет, вращается вокруг коротких сторон скатерти. Под ней находится поддон – Нижний мир, где трудятся, поддерживая высокую температуру в сотнях громадных печей, демоны. Без их тяжелой работы Лоскутный мир давно бы замерз под холодным дыханием космоса.

Стороны света тут называются не совсем обычно, есть Восток и Запад, а также Право и Лево по ходу солнца.

В этой истории нас будет интересовать в основном один Лоскут, примечательный в первую очередь тем, что он почти целиком занят городом, называющимся, как и кусок Мировой Скатерти, его приютившей, Ква-Ква. Имя это произошло, как следует из древних легенд, оттого, что вдоль реки, протекающей в данном Лоскуте, некогда обитало огромное множество лягушек.

Лягушки вымерли, их заменили люди. За тысячи лет город разросся и стал самым большим, грязным и мерзким на всем пространстве Лоскутного мира. Его пытались захватить столько раз, что историки сбились со счета, но завоеватели все время успевали обрасти семьями и потомством, прежде чем добирались от окраины до центра. Они становились добропорядочными горожанами, а на долю их потомков выпадало следующее нашествие.

Также Ква-Ква знаменит основанным в незапамятные времена Магическим Университетом.

Глава 1

Звуки, темной ночью доносившиеся из сада Магического Университета, можно было назвать сопением, кряхтением и пыхтением. Время от времени они прерывались вполне членораздельными возгласами:

– Ах, чтоб тебя... вылазь, зараза! Сопротивление бесполезно... Ух!

Произносилось все это ломким юношеским баритоном.

Чуткий слух уловил бы еще один голос, тонкий и противный, точно комариный писк.

– Уйди! – возмущался этот голос. – Я нажалуюсь прохфессору... Нет, декану! Да что это за люди пошли, среди ночи будят и тащат куда-то! И еще называют себя разумной расой!

Зоркий взгляд, проникнувший за высокий забор Магического Университета, в просторечии называемого обыкновенно МУ, различил бы среди деревьев, в том месте, где располагались грядки со всякой волшебной ботвой, невысокую человекообразную фигуру.

Склонившись к земле, она что-то яростно из нее тянула, словно тот самый дедка из сказки, решивший обойтись без помощи бригады в составе бабки, внучки, Жучки, кошки и вольноопределяющейся мышки.

– Не куда-то! – пыхтела фигура, совершая дергающие движения. – А для важных научных опытов! Хватит корнями цепляться!

– Браки! – натужно отвечал тонкий голос с самой земли. – Опять самогонку из меня гнать будете! Алкоголики юные! Вот я в ваши годы...

– Ты в наши годы... – начала было отвечать фигура, и тут же замерла, к чему-то прислушиваясь.

Прошелестел по верхушкам деревьев ветер, слабый свет мелькнул среди стволов. Тот, кто только что стоял на грядке, рухнул без единого звука. Треснули сминаемые стебли.

– Эй? – удивился тонкий голосок, принадлежащий мандрагоре. Более никто из обитающих на грядках разговаривать не умел. – Ты где?

Но ответа не последовало, и болтливое растение испуганно примолкло. Рядом с ним произошло нечто странное – это оно чувствовало всеми ветками, и древний инстинкт подсказал единственно верную тактику – замереть и не отвечать. Душа мандрагоры стремительно скользнула в корень.

Тело нашел на рассвете немой сторож, обходивший сад. По зеленой, перепачканной землей мантии можно было заключить, что погибший учился на факультете магии нечеловеческих существ, по четырем полоскам, вышитым на левой стороне груди и расположенному чуть ниже изображению собаки – что принадлежал к четвертому курсу кафедры магии животных.

Но опознать студента оказалось невозможно. Вместо лица скалился начисто обглоданный череп.

Проверять, сохранилось ли что-то под мантией, сторож не стал. Героически поборов рвотный рефлекс, он побежал за дежурным преподавателем.

Примерно час спустя, когда через ворота входили ненормальные студенты, проснувшись к первой лекции, грядка с погибшим напоминала облитый валериановой настойкой пенек в доступном для котов месте.

Все кипело, суеилось и вопило.

Грядки чуть не погибли под наплывом преподавателей, решивших лично посетить место происшествия. Над телом склонились два поцента с кафедры медицинского колдовства, вокруг бегали специалисты по транспортной и управленческой магии, хотя делать им тут было совершенно нечего. Любопытство оказалось сильнее здравого смысла и даже лени.

Яростно дискутировали, сверкая глазами и размахивая руками, два профессора, представляющих кафедру нечеловеческих рас и кафедру магии растений.

– Эта мандрагора – растение, поелику в земле обитает, корневищами обладает и листовидна сверху есть! – брызжа слюной, доказывал один.

– Никак нет! – язвительно отвечал другой, скручивая из пальцев фигуру, носящую ботаническое название «фига». – Мандрагора суть разумная раса, поелику способна к речи, обладает интеллектом и даже сварливым характером!

В оном достойный специалист по растениям успел убедиться, поскольку куст, который он пытался расспросить о том, что происходило ночью, отвечал: «Ничего не знаю, спал я!», а на обещание пустить его на корзинки послал профессора в компостную яму, после чего общаться отказался.

– Вот уж нет! – судя по покрасневшему лицу знатока разумных рас, дискуссия грозила перейти в фазу рукоприкладства. Отвечать за мерзкую мандрагору, явно замешанную в смертоубийстве, не хотел никто.

За спинами преподавателей замелькали фигуры студентов. У них, как известно, нюх на происшествия гораздо лучше, чем у обычных разумных созданий, и утаить случившееся в университете не смогли бы даже боги, собравшиеся ради такого дела вместе.

Первым возник, точно сгустившись из воздуха, главный сплетник кафедры пограничной магии Айра Петян, прославившийся тем, что три года подряд проходил программу второго курса. Синяя мантия болталась на нем, как на пугале, сальные черные пряди свисали до плеч, а взгляд профессионального переносчика слухов был остр и блестящ.

Вслед за Петяном потянулись другие. Толпа росла и густела.

Декану факультета магии нечеловеческих существ, студентов которого с незапамятных времен прозвали «уродниками», пришлось пробиваться сквозь нее при помощи собственного посоха.

Мэтр Тугодум, не стесняясь, охаживал любопытствующих по спинам и ягодицам.

– А ну разойдитесь! – вещал он сварливым, пронзительным голосом, напоминающим шум работающей дрели. – Все на занятия! Тут вам не ярмарка, чтобы толпиться!

Студенты при виде начальства чуть подались в стороны, но стоило декану добраться до места происшествия, вновь сомкнулись вокруг галдящей и пересмеивающейся стеной. Но увидеть дальнейшее им не удалось.

Декан взмахнул посохом, пробормотал что-то, и мантии студентов, ожившие от ловко брошенного заклинания, потянули хозяев к учебному корпусу. В волне воплей, писка и визга любопытных утащило прочь. Последним волокло Айру Петяна, который из всех сил цеплялся за деревья и кусты.

Закончив студенческий экзорцизм, мэтр Тугодум повернулся к коллегам.

– Ну что? – поинтересовался он у медиков.

Поценты переглянулись, потом правый из них заговорил. И лучше бы он этого не делал.

– Исходя из материалов произведенного сего дня осмотра, мы с коллегой сочли возможным инкриминировать смерть.

– Потрясающий вывод! – усмехнулся декан. – Дальше!

– Сия смерть наступила впоследствии аномальной ликвидации органических составляющих телесной ткани...

– Говорите нормально! – грозно сверкнул глазами Тугодум. – Вы не на лекции! Отчего он умер?

– Мы не знаем, – тихо ответил второй поцент, – такое впечатление, что его частично и мгновенно обглодали, причем не только снаружи, но и внутри. Никаких следов магии.

Декан наклонился, разглядывая тело, мантия на котором была разрезана. От головы остался только череп, поперек груди тянулся широкий проем, сквозь который видно было, что отсутствует половина сердца, а в легких зияют дыры.

– Части тела словно испарились, – сообщил один из поцентов, – и никаких следов зубов или когтей.

– Зверинец проверили? – мрачно поинтересовался Тугодум. – Может, кто оттуда сбежал?

– Все осмотрели, – подобострастно ответил прохфессор, возглавляющий кафедру магии животных. – Все на месте, защита в порядке, клетки целы.

– Может, это какое-то дикое животное? – предположил кто-то из младших преподавателей. – Хищник?

– Самый опасный хищник нашего Лоскута, – скептически ответил прохфессор животноговодства, – это бродячие собаки. Но их проникновение на территорию Университета исключено.

– Демон? – предположил Тугодум, взглядом, сулящим пытки, щекотку и публичную порку, отыскивая заведующего кафедрой демоноведения.

– Никаких признаков проникновения из Нижнего мира, – пожал тот широкими плечами, – а у нас в лабораториях демонов сейчас нет.

– Кто же тогда? – с таким количеством яда в голосе, что его хватило бы на добрую дюжину змей, спросил декан. – Боги? И на что им сдался этот студент, который, судя по всему, занимался мелким воровством?

Ученые мужи дружно замотали головами и загудели, точно рой пчел, демонстрируя полное согласие с начальством.

– Кстати, за Торопливыми послали? – Тугодум водрузил на лицо маску величайшего отвращения.

– С час назад я отправил одного из ассистентов, – сообщил глава кафедры нечеловеческих рас.

– Что же, я думаю, к обеду они придут, – декан усмехнулся так криво, что усмешка вышла почти вертикальной.

На лицах его коллег расцвели одинаковые понимающие ухмылки.

Городская стража, носящая гордое название «Торопливые» славилась в первую очередь медлительностью. Ее доблестные воины прекрасно знали о вреде стресса для здоровья, и редко усложняли себе жизнь спешкой на место преступления.

Если из соседнего переулочка доносились дикие вопли: «Помогите! Убивают!», стражники, чаще всего, решали, что это чья-либо шутка и топали мимо, ну а к месту кражи являлись обычно через пару дней.

Но в этот день все почему-то случилось не так. То ли командир Торопливых Игг Мухомор, носящий звучный титул Магучий Единственный Ночальник Торопливых (сокращенно – МЕНТ) устроил с вечера разнос подчиненным, то ли сам попал под гневную длань городской власти в лице мэра Мосика Лужи.

В любом случае мэтр Тугодум не успел насладиться осознанием того, что в мире есть существа настолько тупые и медлительные, как стражи порядка.

– Всем стоять! – истошный крик заставил всех вздрогнуть. – Лицом к стене, руки за голову!

Ученые мужи принялись озирались, но стены рядом не нашлось. Лицом можно было встать разве что к земле, но брякаться носом в грязь никому не хотелось. Наиболее пугливые из преподавателей принялись поднимать руки, прочие просто застыли в нелепых позах, напоминающая собрание статуй, вышедших из-под резца скульптора, помешавшегося на создании фигур в мантиях.

– Ладно, умники, расслабьтесь, я пошутил, – басисто расхохотался первый из приближающейся к месту происшествия троицы. Одет он был в клетчатую юбку, национальную одежду

горцев, обитателей Лоскута Низкие горы, на круглом красном лице застыло свирепое выражение, а с плеч, несмотря на теплую погоду, свисал плотный черный плащ.

Сбоку его оттопыривало что-то, подозрительно похожее на меч.

У других мечи были на виду. Судя по потертым ножнам и одинаковым неудобным рукояткам, носить их могли только городские стражники. Все прочие просто постеснялись бы выйти на улицу с подобными отходами оружейного дела.

– Вы кто такие будете? – приняв вид оскорбленного достоинства, спросил мэтр Тугодум.

– Стража, или не видишь? – лениво растягивая слова, ответил длинноносый парень, кудри которого, торчащие из-под форменного шлема, были аккуратно завиты и намазаны чем-то блестящим.

В кустах за грядками что-то шелохнулось. Торопливый в юбке среагировал так быстро, что никто не понял, что происходит. Рука его нырнула под плащ и тут же вернулась, держа что-то маленькое. Раздался звонкий щелчок, и из кустов донесся сдавленный вопль.

– Попался, гад! – с удовлетворением заметил Торопливый и, спрятав под плащ маленький арбалет, ринулся к кустам.

Преподаватели с ужасом наблюдали за происходящим.

Из убежища в зарослях шиповника был за шкурку извлечен воющий от страха Айра Петян с торчащей из плеча короткой стрелой. Воспользовавшись тем, что заклинание декана ослабло, он вновь пробрался к месту убийства.

– Шпионил, сволочь, – довольно сказал Торопливый в юбке, – ну что, будем его бить или отведем к нам?

От ужаса Айра Петян замолк. Глаза его выпучились, словно он сел на ежа.

– Э, – осторожно вмешался мэтр Тугодум, – это всего лишь наш студент...

– Брось его, Дука, – лениво проговорил длинноносый, склоняясь к телу. – Давай займемся делом...

Торопливый в юбке с сожалением встряхнул любопытного студизуса за шкурку, выдернул из его телес стрелу, после чего Айра Петян был сильной рукой возвращен в объятия шиповниковых кустов. Судя по возобновившемуся вою, они не оказались особенно ласковыми.

– Кто нашел труп? – поинтересовался третий из стражей порядка, невысокий и плотный, точно мешок с картошкой.

– Наш сторож, – сообщил декан.

– Где он?

– У себя в сторожке, у входа, – Тугодум поднял руку, – но...

Договорить ему не дали. Длинноносый, оказавшийся, судя по всему, старшим, рявкнул:

– Сержант Калис – допросить сторожа! Выполнять!

Торопливый в юбке, перезаряжавший арбалет, едва не выронил его, отдал честь, со звоном приложив руку к шлему, который на его голове смотрелся, точно корыто, и вихрем сорвался с места.

– Сержант Ргов! – продолжал командовать носатый щеголь. – Осмотреть здание! Собрать слухи!

– Но... – вновь попытался вмешаться декан, но его явно не слышали.

– Есть! – низкорослый стражник, пытая и придерживая болтающийся на бедре меч, размерами больше похожий на нож для резки мяса, отправился в сторону учебного корпуса.

Мэтр Тугодум обиженно замолчал, буравя главного из Торопливых сердитым взглядом. Делал он это осторожно, помня о том, что от подобных взглядов в исполнении мага иногда могут остаться самые настоящие дырки.

Торопливый, несмотря на присущую своей профессии толстокожесть, что-то почувствовал. Закончив созерцать труп, он поднялся.

– Э, мне... хм... нужно, наверное, назваться, – с легкой ноткой неуверенности пробормотал он, – я – лейтенант Поля Лахов.

Не успел декан ответить, как наметившееся взаимопонимание сил науки и общественного порядка было нарушено самым неприятным образом.

– Молчит, гад! Отказывается давать показания! – громкий и грубый голос принадлежал, без сомнения, сержанту Дуке Калису.

Вслед за голосом явился и сам сержант, толкая перед собой университетского сторожа. Тот мычал и пытался всеми возможными способами доказать свою невиновность, но делать это в согбенном положении с закрученной за спину рукой было довольно затруднительно.

– Так, ты почему молчишь? – грозно спросил Лахов.

– Да потому, что он немой! – в свой шипящий ответ мэтр Тугодум вложил столько яду, что окажись рядом кобра, она бы от зависти умерла на месте.

Торопливые переглянулись и одновременно почесали собственные шлемы на затылках.

Здание Магического Университета, если поглядеть на него с высоты птичьего полета, похоже на громадную, брошенную кем-то рассеянным у берега реки Ква-Ква гребенку с четырьмя толстыми прямоугольными зубцами.

От ее основания по краям отходят назад два зубца потоньше. Они предназначены для подсобных и хозяйственных помещений, и ограничивают собой задний двор, почти целиком занятый парком. В его левой части, почти у самой ограды, расположились грядки с магическими растениями, ставшие местом неприятного происшествия.

Торчащие вперед зубцы, которые так же мало подходят для причесывания, как топор – для плавания, отведены под факультеты. В каждом – четыре наземных этажа лабораторий, аудиторий и прочих необходимых для учебного процесса помещений. Подземные этажи, которых, по слухам, пять, содержат места более интересные, и пускают туда далеко не каждого студента.

Основание гребенки – пространство общего пользования. Тут пристроились кафедры, услуги которых нужны всем факультетам – истории Лоскутного мира, теории магии, и многие другие. Кроме них, нашлось место ректорату и прочим службам, работающим на благо всего МУ.

Все это пронизано многочисленными лестницами и переходами, изгибающимися, петляющими и ветвящимися самым причудливым образом. Архитектор, некогда соорудивший здание, страдал безумием, и порядка в его творении оказалось примерно столько же, сколько в борделе во время пожара.

Ориентироваться во всем здании не мог никто. Самые старые профессора, прослужившие на ниве магического образования лет двести, могли бы запомнить все аудитории, но их подводил склероз. Обычные преподаватели знали лишь окрестности собственной кафедры, студенты – чуть больше. Время от времени в отдаленных закоулках отлавливали бедолаг (по большей части, первокурсников), бродящих по коридорам с горестными стенаниями: «Люди! Ау! Где я?»

Чужому же человеку, первый раз попавшему в здание, сориентироваться тут было сложнее, чем отыскать в муравейнике гардероб. Но доблестный сержант Торопливых Васис Ргов этого не знал. Ведомый приказом начальства, он бестрепетно вошел в университет, по мере сил смешался с толпой студентов (с тем же успехом, как масло смешивается с водой) и приступил к выполнению задания.

В студенческих харчевнях всегда стоит одинаковый, не зависящий от направления ветра и времени суток запах горелого теста и тухлого мяса. Как одно сочетается с другим – не в силах

объяснить ни один научный трактат, ведь блюда, которыми потчуют мучеников науки, не так часто состоят из этих двух компонентов.

Харчевен в МУ было четыре, по числу факультетов. Та, что относилась к ведомству магии нечеловеческих существ, носила провокационное название «Сушеный дракон». Узнай о нем хоть один представитель расы разумных рептилий – не миновать университету налета и пожара.

В «Сушеном драконе» всегда было полно народу, даже в пору занятий, хотя студентам вроде бы приличествовало в это время поглощать знания, а не грубую пищу.

На переменах же местному столпотворению мог позавидовать городской рынок.

Арс Топыряк, учащийся третьего курса кафедры демоноведения, с трудом протискивался сквозь толпу, держа в руках поднос со снедью.словно корабль в бурном море, он прокладывал курс к столу, за которым расположился, заняв место, его приятель Нил Прыгскокк.

Когда Арс плюхнулся на стул, жалобно при этом скрипнувший, то вздох облегчения, вырвавшийся из его груди, сдул бы средних размеров привидение, случись оно поблизости.

– Ну что, похаваем? – спросил Нил, улыбаясь во всю наглую, рыжую, да еще и веснушчатую физиономию. – А то у меня после этой лекции в животе урчит!

Лекция по предмету «Основы классификации демонических существ» выдалась (как обычно) скучной до умопомрачения. Лектора почти не было видно из-за кафедры, слышался лишь его монотонный голос. Половина студентов спала через пятнадцать минут после начала, вторая – к середине, лишь самые стойкие отличники продолжали скрипеть перьями, изо всех сил сдерживая зевок. Иногда тягучие завывающие звуки ухитрялись прорваться сквозь ладони и заставляли пугливо вздрагивать тех, кому снились не самые приятные сны.

Лектор принимал зевки за вопросы и продолжал что-то объяснять.

Как Прыгскокк ухитрился проголодаться в таких условиях – оставалось непонятным. Впрочем, есть он хотел всегда.

– Давай похаваем, – без особенного воодушевления ответил Арс, разглядывая то, что занимало его поднос.

Назвать это едой смог бы разве что человек с богатым и нездоровым воображением. В кружке плескалась некая мутная жидкость, носящая название «компот», но судя по цвету и консистенции, могущая оказаться чем угодно, от обмылков с кухни до мочи бешеного быка.

То, что было в тарелках, выглядело не лучше.

Небрежно порубленная горка зелени, которую, судя по засохшей на ней грязи, забыли помыть, изображала салат. Из ботвы выглядывали куски чего-то, похожего на огурцы, а капля белого вещества на краю тарелки символизировала сметану.

Хлеб был такой твердости, точно его сушили специально, а огромная кость с неведомо как задержавшимися на ней волокнами сухожилий изо всех сил притворялась жареным мясом. Гарнир представлял собой кучку обрезков от самых разных овощей, Арс разглядел морковные хвостики, очистки репы и очень тонкие ломтики кабачков, в основном состоящие из шкурки.

Завершал трапезу горелый пирожок размером с мелкую монету. Начинка его грозила стать сюрпризом. Стоило только надеяться, что ей не окажется героически погибший в печи таракан.

– Даже шакал не стал бы это есть, – сказал Топыряк со вздохом.

– Да ладно тебе привередничать! – жизнерадостно откликнулся Нил, которому аппетит не испортила бы даже найденная в тарелке мокрица. – Ешь давай!

Сам он всю грыз кусок хлеба, а доставшийся ему суп исчезал с такой скоростью, словно его откачивали из тарелки насосом.

Не успел Арс управиться с салатом, как по коридорам, перекрывая топот и гомон, пронесся тягучий мощный гул «Бомм! Бомм!». Колокол, висящий у ректората, давал знать, что время перемены закончилось. Часть студентов, дожевывая на ходу, ринулась в коридор.

Бить в колокол, звук которого с помощью хитроумных заклинаний распространялся по всему зданию, было обязанностью пожилого профессора, оставившего преподавание и носящего титул Хранителя Времени.

Снабженный песочными часами, он фактически обитал в маленькой каморке около колокола, и только его рукам повиновалась уходящая в громадное бронзовое чрево веревка.

Как-то раз старшекурсники, воспользовавшись рассеянностью очередного Хранителя, добавили ему в чай сонной настойки. Старик благополучно почил, и перемена продолжалась вместо положенных пятнадцати минут почти два часа. Преподаватели, привыкшие все делать по колоколу, благодушествовали, студенты предавались радостному ничегонеделанию, и только когда за окнами начло темнеть, один из деканов что-то заподозрил.

Скандал вышел первостатейный. Хранителя отправили на покой, заменив на более шустрого, пару человек выгнали из МУ, еще несколько отделались разного рода наказаниями.

Услышав колокол, Арс вздрогнул и по привычке собрался куда-то бежать, но вовремя вспомнил, что сейчас «окно». Судя по тому, что народу в харчевне после колокола почти не убавилось, так же было и у всех остальных.

Пока Топыряк сражался с костью, пытаясь обнаружить на ней что-нибудь съедобное, Нил, успевший слопать все, откровенно скучал. Без особого успеха попытавшись познакомиться со второкурсницей с кафедры магии растений, сидящей за соседним столиком, он неожиданно толкнул Арса в бок.

– Чего тебе? – спросил тот, едва не подавившись костью.

– Смотри, Торопливый! Чего ему тут надо?

В харчевню, подозрительно оглядываясь и крутя носом, точно охотничья собака, входил городской стражник. Его начищенный шлем, напоминающий ночной горшок модернистской конструкции, сверкал сквозь кухонный чад, клубами плавающий в воздухе. Меч на боку казался нелепым украшением.

– А, ты не знаешь, – усмехнулся Арс, радуясь, что хоть раз в жизни узнал что-то раньше болтливого приятеля. – Это потому, что прогулял первую лекцию. Сегодня ночью кто-то странным образом убил одного из наших.

– Кого? – зеленые глаза Нила выпучились, нос, похожий на картофелину, зашевелился.

Ответить Арс не успел.

Торопливый, обзрев харчевню, почему-то двинулся к ним.

– Хмм... ухх... мм... – остановившись около столика, он некоторое время грозно пыхтел, сверкая глазами. Отношения между студентами и городской стражей складывались не самые теплые. Первые любили повеселиться, побить фонари у домов зажиточных горожан, попеть легкомысленные песенки на улицах глубокой ночью, побуянить в кабаках. Торопливым все это, по непонятным причинам, не очень нравились, и они при случае поколачивали студизусов. Те платили им пылкой нелюбовью, а состряпанное в стенах МУ прозвище Тормозливые вызывало у доблестных стражей порядка бешеную ярость.

Вот и сейчас явившемуся в харчевню Торопливому оказалось сложно обратиться к классовым врагам. Но он преодолел предрассудки, и через невнятные звуки и суровое пыхтение с трудом протиснулись членораздельные слова.

– Эээ... вы есть... ыыы... студенты?

Вопрос являл собой верх идиотизма.

Арс поглядел на Нила, красовавшегося в яркой зеленой мантии. Кроме людей, имеющих отношение к магии, подобную одежду никто не носил. Более того, на правой стороне груди у каждого из сидящих за столом красовался символ МУ – корова, поедающая пергаментный сви-

ток, а на левой – три полосы, означающие третий курс, и перекошенная рожа – знак кафедры демоноведения.

– Нет, – невинно ответил Прыгскокк, – мы гномы с огромными топорами. Потомственные горняки.

На лице Торопливого появилось озадаченное выражение. На лбу, ниже шлема, задвигались складки. Должно быть, это символизировало умственную деятельность.

– Это шутка? – предположил он нерешительно, и уже с большей уверенностью продолжил. – Я сержант Васис Ргов. Мы расследуем таинственное убийство, произошедшее сегодня в парке университета. Можете вы что-нибудь сказать по этому поводу?

Несмотря на то, что вопрос был задан двум приятелям, его слышали все, находившиеся в этот момент в харчевне. В «Сушеном драконе» наступила полная тишина. Слышно было, как шипит на кухне что-то жарящееся, и как стучит лапками бегущий по потолку таракан.

– А я думал, что все расследование будет проходить секретно, – сказал Арс.

– Оно и проходит секретно! – кивнул сержант и бдитительно огляделся, чтобы проверить, не подслушивает ли его кто недозволенный. В дымной атмосфере харчевни его блестящий шлем неумолимо покрывался копотью. – Но мне велено собирать слухи! Вы ведь учились на одном факультете с погибшим? Может, что-то знали о нем?

– Это у животноводов надо спрашивать, – хмуро кивнул Топыряк, называя студентов кафедры магии животных общепринятым прозвищем. – Поговаривали, что он эликсирами своего изготовления приторговывал... Ну, для лечения болезней у животных. А так – ничего особенного, студент как студент...

Васис Ргов извлек откуда-то из недр организма лист пергамента и с умным видом принялся черкать по нему карандашом.

– Он еще и писать умеет! – в полном восхищении пробормотал Нил.

– А как вы его опознали? Лицо-то не сохранилось? – спросил сержант.

– Так Инар всегда носил на пальце это кольцо, – ответил Арс. – Оно только у него было.

– Инар?

– Инар Эрляиди, – пояснил Топыряк. – Он откуда-то с лева, из-за гномьих гор. Отсюда и имя такое странное.

Стражник записал что-то на пергаменте, после чего спрятал его и неожиданно лучезарно улыбнулся.

– Благодарю вас за помощь следствию, – сказал он значительно. – Город не забудет вашей бесценной помощи! И, хм... – тут нос Васиса зашевелился, ловя плывущие по помещению запахи, густые, точно суп-пюре, – может быть, мне тут съесть что-нибудь?

Студенты за соседними столиками захихикали, предвкушая потеху.

– Не стоит, – проговорил Арс, неожиданно ощутивший что-то вроде симпатии к Торопливому, который мог оказаться вполне славным парнем. – С непривычки от здешней пищи можно получить заворот кишок.

– А как же вы? – глаза сержанта выкатились, а лицо побагровело. Похоже, что обрисованная перспектива вовсе его не вдохновила.

– В студенческом желудке и долото сгниет, – мрачно облизнувшись, вставил Нил.

– Ага, ага, – и страж порядка, медленно пятясь, покинул помещение «Сушеного дракона».

– Так это Инара сегодня убили? – на свободное место около столика тотчас приземлился стул, на котором появилась костлявая фигура знакомого четверокурсника с кафедры магии животных.

– Похоже на то, – без особой охоты ответил Арс.

– Ух ты! – четверокурсник подался вперед, глаза его загорелись неистовым любопытством. – А что там случилось? Зарезали?

– Нет, что-то странное, – Арс пожал плечами. – Точно-то я разглядеть не смог. Его словно обглодали частично. Хочешь выяснить подробности – разыщи Айру. Он все знает.

Айра Петян славился на весь университет как гениальный поставщик новостей. Складывалось впечатление, что о многих вещах он узнавал еще до того, как они случались. На месте будущего происшествия он появлялся раньше всех и жадно впитывал подробности, точно вампир – кровь.

Потом его можно было выжимать, точно губку, и рассказы текли из него потоками, и что самое знаменательное, никогда не заканчивались. Они всегда основывались на правде, но ее Айра разукрашивал по своему усмотрению, добавляя занимательных подробностей. Рассказ о засорении туалета в его устах мог звучать увлекательнее «Сказа о Саше Белом и трех богатырях».

– Как же, найдешь его сейчас, – проворчал четверокурсник, почесывая кудлатую голову. – Наверняка уже треплется по всем углам... А Инара жалко, хороший был парень...

Печально вздохнув, четверокурсник поднялся, а на его место плюхнулся следующий любопытный. Вид он имел наивный и испуганный, что неудивительно – на зеленой мантии красовалась одна-единственная полоска – знак первого курса. С учетом того, что учебный сезон начался десять дней назад, он не провел в МУ и месяца.

– А вдруг это маньяк? – спросил он шепотом, испуганно оглядываясь.

– Кто? – прыснул Нил.

– Ну, маньяк, убиец, – пояснил первокурсник. По его выговору можно было определить, что родом он с востока, из Лоскута под названием «Тайга», славного дикими чащобами и малочисленностью населения, которое в своей глухомани верило во всякую ерунду.

Вроде маньяков.

– Какие маньяки? – рассмеялся Арс. – Их не существует! В славном городе Ква-Ква никто не убивает людей просто так. Только ради наживы, из мести, или находясь в сильном гневе! И для убийства выбирают более удобные места, чем сад университета!

– А может это гномы? Или эльфы? – предположил первокурсник. – Своим мерзопакостным колдовством!

– Тише ты! – осадил салагу Нил. Двери МУ открыты для представителей всех разумных рас (а их в Лоскутном мире насчитывается около трехсот), но учатся тут в основном люди. Эльфы, гномы и прочие нелюди предпочитают постигать магическое искусство традиционным методом – проходя многолетнее обучение у наставника. – Будешь гномов хаять, в глаз получишь!

И Прыгскокк, чей отец, богатый торговец, регулярно водил караваны в горы Лоскута, целиком принадлежащего гномам, и в месяцы каникул брал с собой сына, показал внушительный кулак.

– Любые следы колдовства, будь оно гномьим или эльфийским, были бы обнаружены, – вздохнул Арс, опечаленный тупостью собеседника. – Пойдем, Нил, чего с ним толковать!

– А я вчера утром у себя под кроватью кучу золота нашел! – в последней попытке привлечь внимание собеседников отчаянно воскликнул первокурсник. – Большую!

– Это точно было золото? – расхохотался Арс, поднимаясь из-за стола. – Ты никак не ошибся?

– Не ошибся! – убежденно замотал башкой первак, – сначала у меня в глазах сверкнуло, потом ветер подул! Я с койки бряк от страха, а там оно! Золото!

– Целая куча! – с деланной жалостью покачал рыжей головой Нил. – Если ты не успеваешь добежать до туалета, то тебе нужно срочно обратиться к врачу!

И хохоча на два голоса, приятели покинули харчевню. Первокурсник остался за столом один.

– И ведь я правда его нашел, – прошептал он, обиженно шмыгая носом. – И золото это было. Что я, его не отличу, что ли?

Но его уже никто не слушал.

Здание, отведенное для городской стражи, расположилось на берегу реки Ква-Ква внутри кольца стен, построенных когда-то давно для защиты города, тогда еще маленького. Тщательно оберегаемые стены сохранились, но ныне они огораживали престижный район, а при сильном ветре у любителей старины начиналась паника – как бы они не рухнули.

Здание городской стражи куда моложе стен, но возраст имело тоже достаточно почтенный. Некогда его построили в виде маленького форта, с башенками на углах и плоской крышей, с которой удобно обороняться. Стены отличались толщиной, а дверь – крепостью. На счету здания числились три штурма, случившихся тогда, когда горожане, недовольные тем, как оберегается их покой, принимались выражать недовольство активно.

Ныне оно не устояло бы, атакуй его даже немощные бабушки на костылях. Стены осели, их покрыла сетка трещин, одна из башенок рухнула, а прочие заметно скособоились. Из-за перекосов стен входную дверь намертво заклинило, и она не закрывалась, будучи гостеприимно распахнутой день и ночь.

Кабинет Магучего Единственного Ночальника Торопливых располагался на втором этаже, прямо у окончания парадной лестницы, и нынешний его хозяин, Игг Мухомор, обитал здесь уже шесть лет. На стене над его столом висел портрет, с которого из-под своего любимого головного убора, похожего на блин с козырьком, блаженно улыбался мэр Мосик Луза. Рядом примостилась доска с гербом, ибо Мухомор происходил из рода древних аристократов, чем ужасно гордился.

Пахло в кабинете все время брагой. Причины этого никто доискаться не мог, а никакие проветривания не помогали. Попавшие сюда впервые задавались вопросом – то ли хозяин помещения беспробудно пьет, то ли берет взятки хмельным?

Подтверждал их мысли и герб: желтая пивная кружка на белом фоне.

В данный момент его созерцали лейтенант Лахов и сержант Калис. А напротив, под гербом и портретом мэра, ярился и брызгал слюной их непосредственный начальник, МЕНТ Мухомор.

– Это невозможно! – орал он, и лысина его покрывалась багровыми пятнами, делая главу городской стражи похожим на давший ему имя ядовитый гриб, только раскрашенный наоборот – белая шляпка, алые точки. – Вы должны расследовать преступления, опираясь только на факты и логику! А что я слышу? Про загадочно погибшего студента и про полное отсутствие следов! Какие-то сказки сестер Гримм!

Вышеназванные сестры, две старушки с одной из окраин, прославились как непревзойденные рассказчицы занимательных историй. Богатейшие горожане выстраивались в очередь, чтобы нанять их с целью предсонного услаждения слуха собственных детей.

– И вы еще умудрились потерять сержанта Ргова? – голос Игга Мухомора поднялся до опасных пределов, и стекла в окнах задрожали. – Как? Как такое могло случиться?

Лейтенант Лахов отер с лица осевшие на нем капельки начальственной слюны.

– Ну, я отправил его в здание университета собирать информацию, – сказал он, – а вы же знаете, какое оно огромное и запутанное...

– Не знаю, и знать не хочу! – оборвал его МЕНТ. – Надеюсь, что к вечеру он выберется оттуда! Разгильдяи, балбесы, недоноски! Да с кем я работаю? Другой бы начальник давно зарезался собственным мечом!

– Я могу одолжить вам один из своих арбалетов, – предложил добрый Калис.

– Чтобы на мое место сел лентяй и придурок? – Игг Мухомор гордо выпрямился в собственном кресле, став похожим на страдающего запором мопса. – Безродный взяточник и карьерист?

Нынешний глава Торопливых страшно гордился двумя вещами: собственным аристократическим происхождением (он мог часами вспоминать о деяниях герцогов Мухоморских, которым некогда принадлежали земли слева от города, у самых гномьих гор), и тем, что служит Городу! Не конкретному мэру, а Городу как идее наиболее безопасного места проживания для человека.

Взятки он отвергал со столь великолепным презрением, что осмелившиеся их предложить буквально сгорали от стыда и тут же предавали себя в руки правосудия.

– Чтобы все, что создано непосильным трудом, рухнуло в один миг? – вопил Мухомор.

Подчиненные безропотно переносили вспышку гнева, прекрасно зная, что она вскоре прекратится.

Так и вышло.

Мухомор замолчал, тяжело дыша, обтер заблестевшую от пота лысину громадным носовым платком, который мог бы заменить скатерть, и непонятно как помещался в одном из карманов МЕНТа.

– Тело вы хоть привезли? – спросил он нормальным голосом. – Пусть Знатоки его осмотрят. Хотя уж если маги ничего не обнаружили...

Знатоками называли опытных стражников, которые по возрасту не могли гоняться по улицам за преступниками, но чей опыт и ум еще можно было использовать.

– Я отправил за ним телегу, – сообщил Калис.

– Ясно, к завтрашнему вечеру его привезут, – Мухомор свирепо воззрился на сержанта и лейтенанта. – И если вместо фактов вы опять будете рассказывать мне занимательные истории, то в чине капралов отправитесь патрулировать улицы, на которых останетесь до скончания дней!

Провинившимся Торопливым только и оставалось, что печально вздохнуть и потупить глаза.

Глава 2

Календарь Лоскутного Мира предельно прост, и разобраться в нем сможет даже трехлетний ребенок. Боги отвели на год ровно триста шестьдесят дней, которые очень удобно делятся на двенадцать месяцев.

В Ква-Ква названия месяцев, каждый из которых посвящен двум из двадцати четырех Первичных Богов, обычно не употребляются, их называют просто: Первый месяц, Второй, и так далее.

Зима – время отпусков для демонов, когда надзирающие боги дают им отдохнуть, а по всему Лоскутному миру становится холоднее. Она длится с Первого месяца по Третий. Потом топки Нижнего мира потихоньку набирают жар, пока не наступает лето – с Седьмого по Девятый месяцы. Это время перерыва в занятиях, студенты младших курсов отдыхают, старших – проходят практику. С Десятого месяца начинается новый учебный год, в этот период демоны в ожидании скорой передышки начинают халтурить, и летняя жара потихоньку слабеет.

Дни же гораздо более индивидуальны, чем месяцы. Каждый имеет собственное имя и связанные с ним приметы. Отчего так повелось, не помнят даже седобородые профессора с кафедры истории, ибо начало календаря теряется в самых первых веках существования Лоскутного мира, когда никакой истории еще не было.

Первый в каждом месяце день носит имя Шустрой Черепахи, второй – Лысого Льва. Странная смерть в саду Магического Университета приключилась в дату, помеченную знаком Отважного Зайца, а на следующий день, посвященный Зоркому Кроту, запланировали первый в этом сезоне поединок между факультетами по литроболу.

Название сего состязания возникло по той причине, что снарядом в нем служит мяч объемом ровно в один литр. Цель же игры состоит в том, чтобы, не касаясь его руками, а используя только ноги, завести мяч в город соперника, защищаемый стражем, которому пускать в ход руки как раз можно.

Наставники находили литробол полезным для разгрузки студенческих мозгов, а сами студенты – отличным развлечением. Азарт на соревнованиях между факультетами кипел нешуточный, и порой доходило до драк.

На сегодняшний вечер была намечена встреча между командами непримиримых противников – факультетов магии человека и магии нечеловеческих существ. Вокруг учебного корпуса и внутри него, несмотря на то, что занятия давно закончились, крутились болельщики в алых и зеленых мантиях, слышались взрывы хохота и воинственные выкрики.

Преподаватели помладше, отряженные наблюдать за порядком, старались держаться подальше от слишком больших групп студентов, от которых несло пивом так, словно они в нем купались. Магия магией, а от хорошего удара кулаком даже самый умелый колдун не застрахован.

Арс Топыряк в компании друзей настраивался на игру в ближайшей к университету таверне. Лежащий за воротами МУ квартал, крайний с этой стороны города, был почти наполовину заселен студентами, на которых горожане делали неплохие деньги.

Таверна, словно в насмешку прозванная «Утонченное блаженство», являлась обыкновенной студенческой забегаловкой. Кислый запах хмельного витал над обшарпанными столами, пиво здесь разбавляли почти до прозрачности, а воблу к нему подавали настолько твердую, что можно было решить, она помнила битвы Предначальных Времен.

Зато стоило это удовольствие сушить гроши.

– Ох, покажем мы им сегодня! – кровожадно рычал Шнор Орин, колотя не желающей расставаться с чешуей воблиной о стол. Доски возмущенно скрипели, рыба мученически тарасила припорошенные солью глаза. – Порвем, точно Тузик – тряпку!

Белобрысый, светлоглазый и носатый, Шнор происходил из Лоскута Троеречье, расположенного правее и западнее Ква-Ква, и отличался бешеным, несдержанным нравом.

– Как бы они нас не порвали, – мрачно пробурчал в ответ Прыгскокк, отхлебывая из кружки жидкость, которую хозяин «Утонченного блаженства», гном Отбойник, называл пивом. От воды ее отличал разве что подозрительный бурый цвет. – Неужто не помнишь, что в прошлый раз было?

– Помню! – Шнор сверкнул глазами, с яростным хеканьем разломил воблу надвое и принялся с треском сдирать чешую. – Месть! Месть будет сладка!

– Может, пойдем? – Арс выглянул в окно, за которым начинало темнеть. До заката, когда прозвучит колокол к началу игры, оставалось не так много времени.

– А рыбу куда девать? – огорченно возразил Шнор, глядя на воблу так, точно она была из золота.

– Хозяину оставь, на хранение! – хихикнул Нил, и его зеленые глаза заискрились. – Спорю на что угодно, что до твоего возвращения он продаст ее кому-нибудь!

Гном Отбойник славился патологической алчностью и умением делать деньги из воздуха. Точнее, из воды, которую он добавлял в пиво. Прибыв с гор пару десятилетий назад безденежным голодранцем, к настоящему моменту он стал состоятельным трактирщиком, но до сих пор из жадности продолжал сам стоять за стойкой.

– Эй, хозяин! – задорно крикнул Шнор, поднимаясь из-за стола. – Рыбу посторожишь? Мы все одно после игры сюда вернемся – отмечать.

Некий предмет, торчавший над стойкой, который посторонний человек принял бы за поседевший веник, шевельнулся, превратившись в голову гнома, снизу заросшую бородой, сбоку – усами и бакенбардами, а сверху – волосами.

Блеснули из-под мохнатых бровей, которые успешно прятались под косматым чубом, настороженные темные глаза.

– Почему не взять, клянусь Молотом? – пропыхтел Отбойник. – Для постоянных клиентов я готов на все...

– Ага, на обвес, обсчет и обман, – серьезно кивнул Арс.

Гном сердито засопел. За пакостные привычки ему несколько раз делали «темную», но проще научить камень говорить, чем переделать натуру представителя низкорослого, но по своему гордого народа гор.

Отбойник отлеживался, а потом вновь принимался за свое.

Воблу сдали на хранение, а студенты, ощущая тяжесть в нижней части животов, вышли на улицу. Очень кстати попавшиеся кусты были использованы надлежащим образом, и далее будущие укротители демонов двинулись налегке.

Надо заметить, что кафедра демоноведения считалась в МУ одной из наименее престижных. Куда приятнее заниматься строительными заклинаниями или предсказаниями, чем изучать привычки существ, сам облик которых приводит в трепет любого нормального человека. Куда выгоднее лечить или бороться с садовыми вредителями, чем сражаться с пахнущими серой тварями, могущими сотворить с тобой такую кучу пакостей, что простое их перечисление не помещается на одном листе.

На кафедру чаще всего попадали те студенты, которым не удавалось пристроиться еще куда-либо. Например Нил, отличающийся ужасающей ленью, и заваливший вступительные экзамены, Шнор, пасший на родине овец, и первый раз узнавший, что предстоит что-то сдавать, прибыв в Ква-Ква.

Встречались еще безумцы, которым хотелось стать борцами с демонами.

Такие, как Арс.

На территорию университета они прошли через главные ворота. Бронзовые драконьи головы на воротных столбах проводили троицу внимательными взглядами пылающих глаз.

Любого чужака, посмеявшегося проникнуть сюда после захода солнца, они бы встретили столбами пламени.

Того, кто вздумал бы перебраться через ограду, безобидную на вид решетку из нетолстых металлических полос, ждали не менее «приятные» сюрпризы.

Маги хорошо охраняют свои секреты.

Большой зал, отведенный для игр и прочих массовых развлечений, расположился на нейтральной по отношению ко всем факультетам территории – в самой середине основного корпуса. Чтобы добраться до него, приятелям пришлось миновать весь факультет, а потом свернуть налево, в пронизывающий все здание широкий коридор.

На этом пути они были не одни, а в коридоре и вовсе царило столпотворение. Поток студентов в зеленых мантиях тек, будто река из травы, чтобы смешаться у широких дверей, украшенных изображением небесного покровителя всяческих игр, бога Шпулера, носящего прозвище Ловкач, с другим потоком, состоящим из алых, точно пламя мантий.

Столкновение двух цветов проходило мирно, если не считать воинственных выкриков и подначек, которыми обменивались студенты противоборствующих факультетов.

Двери оказались распахнуты, и Шпулера-Ловкача, изображенного в виде улыбающегося юноши с множеством гибких рук, видно не было. Около одной из створок, аккуратно прислонившись к стене, спал сержант Торопливых Васис Ргов. За два дня блужданий по университету он слегка похудел, оброс щетиной, шлем его запылится и помялся.

Шум толпы ему совершенно не мешал.

– Какая преданность долгу, – растроганно прошептал Шнор Орин, проходя мимо сержанта. – Не покидает здание, не выполнив задания!

– Я смотрю, ты стал поэтом? – усмехнулся Прыгскокк. – Скоро...

Дальше Нил вынужденно замолчал, поскольку приятелей внесло в зал и им пришлось усиленно работать локтями, прокладывая дорогу к свободному месту на скамейках, рядами окружающих игровое поле. Они амфитеатром поднимались к стенам, а с потолка свешивались огромные талисманы, исключающие любую возможность применения магии в игре.

Глаза резал яркий магический свет, разлитый прямо в воздухе.

– Фу, вот и устроились! – с облегчением прошептал Арс, вытирая со лба пот, когда друзья заняли места на одной из скамеек.

До начала игры оставались считанные минуты, а зрители все прибывали. Противоположная трибуна была полностью красной, а та, на которой сидели представители кафедры демоноведения, напомнила бы наблюдателю луг, покрытый сочной травой – столько тут было зелени. Неуместно выглядело синее пятно в первом ряду – Айра Петян, которого любое скопление народа манило, точно муху – падаль.

При взгляде на него в душе у Арса зашевелились нехорошие подозрения.

– Эй, привет! – радостный возглас заставил всех троих обернуться.

Сверху, с лавки на последнем ярусе, им махала среднего роста девушка с рыжими, как лисий хвост, волосами. Кудри Нила казались рядом с ними блеклыми.

– Здорово, Фомка, – отозвался на приветствие Шнор. – Как, твой играет сегодня?

– А как же! – гордо и звонко ответила Фома Катина, главная сумасбродка не только кафедры демоноведения, но и, пожалуй, всего факультета.

Принимать в МУ девушек не запрещалось, но все же представительницы слабого пола редко допускались до изучения магии. Прежде всего, в силу собственного нежелания. Зачем корпеть над книгами и глотать пыль, если есть множество более интересных занятий? Замужество, рождение и воспитание детей, стирка, готовка и уборка...

Тех же, кто изъявлял желание, прохфессора и поценты на отборочных испытаниях экзаменовали с удвоенной строгостью, объясняя это тем, что женщины в силу их излишней эмоциональности и слабого ума требуют особого подхода.

Фома Катина, неведомо как проскользнувшая сквозь тенета отбора, прекрасно подтверждала эти утверждения. Нет, ум ее не был слабым, и училась она нормально, но что до эмоций – бурлящий вулкан показался бы рядом с ней спокойным лесным озером.

Она была безумно экспрессивна, невероятно взбалмошна, и если бы в Лоскутном мире время измеряли неделями, то на каждой у нее случалось бы по двадцать восемь пятниц.

Вдобавок голос ее был громок и пронзителен. Сокурсники старались не дразнить ее, преподаватели, особенно молодые, откровенно побаивались и предпочитали не связываться лишний раз.

Ухажеров она меняла чаще, чем цвет волос. В настоящий момент позволяла ухаживать за собой одному из литроболистов факультетской команды, здоровенному защитнику по кличке Бык.

– Ну, что... – Фома хотела что-то сказать, но слова ее перекрыл донесшийся с игровой площадки мелодичный звон.

Появившийся там судья в черной мантии факультета магии неживого дал сигнал к началу игры.

На поле, прямоугольник размером тридцать на шестьдесят метров, высыпали игроки. Они были обнажены до пояса, в узких, обтягивающих штанах цвета своего факультета. На ногах красовались особого покроя ботинки из легкой и прочной кожи полиуретана пластиково-образного. Это животное обитает в нескольких Лоскутах у самой восточной Стены, поймать его труднее, чем тень, в силу того, что оно ловко меняет форму и цвет.

Зато обувь из его кожи не знает сносу. В прямом смысле слова. Ботинки для игры в литробол переходят от одного поколения игроков к другому, и время совершенно зря точит на них зубы.

– Дави! Круши! Бей! – дружно завопили зрители. Над рядами одетых в красное студентов поднялся плакат, украшенный надписью: «Изуродуем уродников!». Противоположная трибуна ответила слитным свистом.

– Ох, покажем мы им сегодня! – кровожадно раздувая ноздри и сжимая кулаки, прошипел Шнор.

Судья провел жеребьевку, и стражи, отличающиеся от прочих игроков толстенными перчатками, заняли место в городах – прямоугольных рамах три на два метра.

Еще раз прозвенел колокол, и игроки факультета магии человека нанесли первый удар по литровому мячу. Тот с гулким шлепком взмыл в воздух. Матч начался.

Воняющие пивом и азартом зрители не отрывали глаз от перемещений маленького круглого предмета, негодуяще вопили, когда что-то шло, по их мнению, не так, в ответственные моменты вскакивали на ноги и махали руками. Свисающие с потолка талисманы, изображенные на громадных металлических дисках, недовольно покачивались от обрушивающегося на них ора.

В этот вечер преимущество оказалось на стороне факультета нечеловеческих существ. К их городу мяч даже не приближался, а колокольчик судьи то и дело звенел, обозначая нарушения команды в алых штанах.

– Шай-бу! Шай-бу! – принялись скандировать зрители в зеленом древний боевой клич варварского племени хоккунов. Когда-то давно они пытались захватить Ква-Ква, но благополучно растворились на его улицах.

А клич остался. На языке хоккунов, емком и образном, но почти забытом, он означал что-то вроде: «Разорвите их на мелкие кусочки, обсыпьте мукой, хорошо прожарьте и подавайте на стол!»

– Шай-бу! Шай-бу! – вопили студенты, призывая своих игроков дожать едва отбивающегося соперника.

И результат не заставил себя ждать.

Литроболисты в красном на мгновение замешкались около своего города, и мяч черной шаровой молнией влетел в пределы прямоугольной рамы. Страж лишь нелепо дернулся, напомнив паука с вывернутыми конечностями, но сделать ничего не смог.

Колокольчик судьбы прозвенел, и рука его показала на центр поля.

Один – ноль.

– Ура! – в один голос завопила зеленая трибуна. Со стороны красной донесся стон раненого исполина. Транспарант с оскорбительной надписью покачнулся, одна особо впечатлительная девушка упала в обморок.

Арс прыгал и кричал вместе с остальными. Уши болели, как и горло, но ему было все равно. Безумная радость, одна на всех, заставляла кровь кипеть, а сердце – чуть не выпрыгивать из груди.

От шума пробудился спавший в коридоре сержант. Все его вчерашние и сегодняшние попытки выбраться из здания оказались бесплодны. Коридоры и лестницы выводили куда угодно, но только не к выходу, а спрашивать дорогу было стыдно.

Как это, доблестный страж порядка, и заблудился, точно Красная Шапочка в трех соснах?

Он подумывал даже прыгнуть из окна, но на первом этаже они все были забраны решетками, а высоты Васис панически боялся. Так и бродил по зданию, делая вид, что выполняет важное задание. Усталость сморила его у самых дверей спортивного зала.

Проснувшись, он некоторое время тупо глядел перед собой, затем пугливо дернулся от очередной волны грохота. Поворчал что-то по поводу расшалившейся молодежи и опять уснул, надвинув шлем по самый подбородок.

Ликующие крики начали стихать, и в этот самый момент перед глазами Арса что-то слабо сверкнуло, лицо обдало порывом непонятно откуда взявшегося свежего ветра, и слух тут же выделил из всех звуков громкий смех. Он вовсе не был радостным, звучал монотонно и как-то неестественно, вызывая невольную тревогу.

Топыряк обернулся.

Сидящая на ряд выше девушка мерно раскачивалась, прижав ладони к лицу, и безостановочно, на одной ноте хохотала. Соседи, в ужасе оглядываясь, отодвигались от нее. Лица их были растерянные.

Шум трибун стихал, и громкий смех привлекал все большее внимание. Обернулся судья, игроки, все, словно один, уставились туда, откуда доносился странный звук.

Когда он прекратился, Арс вздрогнул. А девушка вскочила на ноги, руки упали, открывая белое, абсолютно безумное лицо, и по залу раскатился истошный вопль:

– Я ворона! Я ворона!

Краем уха Топыряк уловил испуганный шепот:

– Это же Аська с пятого курса, она была всегда немного не в себе, но чтобы такое...

К крикунье спешно приближались следящие за порядком преподаватели, один в алой мантии, и двое – в синих.

– Я сошла с ума! Я сошла с ума! – сведенные судорогой губы породили новый крик, на удивление осмысленный. – Мне нужна она! Мне нужна она!

Поцент с кафедры магии управления на ходу бросил несколько слов, повелительно махнул рукой. Губы съехавшей с катушек студентки оказались намертво склеены, и она начала корчиться, словно рвущиеся из нутра звуки искали себе выхода.

– Уносим ее, коллеги, – двое младших преподавателей подхватили бьющуюся девушку и потащили к выходу.

Гомон прокатился по трибунам – каждый счел долгом обсудить происшедшее с соседом.

– Ничего себе! – брякнул Нил, задумчиво почесывая рыжую макушку. – Вот так, вот раз – и ни с того, ни с сего крышу срывает!

– Ага, – поддержал друга Шнор, который, судя по всему, был изрядно ошарашен зрелищем.

– Ни с того, ни с сего ничего не бывает, – пробормотал Арс, почему-то вспомнив вчерашний рассказ о найденном под кроватью золоте. Там упоминался свет и движение воздуха, а здесь он видел вспышку и ощущал ветер сам... Последовали за ними и в том и в другом случае события странные, обыденной логикой необъяснимые.

Интересно, было ли что-нибудь подобное перед происшествием в саду?

Прозвенел колокольчик судьи, и игра возобновилась. Но настроение праздника, создавшееся в зале с ее началом, улетучилось без следа. Даже игроки стали рассеянны, совершали глупые ошибки, что уж говорить о зрителях?

Каждый на свой лад вспоминал только что произошедшее.

Покинули университет друзья, несмотря на победу своей команды, в подавленном настроении.

Специалистов по демонам лекарскому делу не учат. Зачем зря расходовать учебные часы? Но в то же время известно, что общение с существами из Нижнего мира редко проходит без повреждений. Ушибы, переломы, царапины и укусы являются в их списке самыми безобидными.

Посему в учебную программу вставили предмет, носящий невинное название «Базовые навыки оказания себе первой помощи». Тут будущих демоноборцев учили справляться с этими самыми укусами и переломами, а также особыми повреждениями, которые способны нанести только демоны.

Например, с окукливанием головного мозга, исчезновением черепа, катарактой сердца, наведенной мигренью или засорением селезенки самым настоящим песком или еще чем похуже.

Вел этот важный во всех отношениях курс сам профессор кафедры медицинской магии. Отличался он солидным возрастом, невероятной толщиной и величайшей добротой, за которую его заслуженно любили студенты.

Но в это утро обычно розовое и светлое лицо профессора, окаймленное снизу роскошной бородой, которой позавидовал бы и Дед Мороз, выглядело мрачным, точно дождливое осеннее утро.

Без обычной улыбки он прошел за кафедру и взгромоздил на нее здоровенный конспект. Даже череп на его алой мантии – символ кафедры, выглядел сердитым.

– Ну, приступим, – проговорил профессор, шурша листками, близорукий взгляд его не отрывался от них. – Сегодня мы с вами будем говорить об отравлениях, кои могут происходить от укушения демонами...

Он на несколько мгновений замолчал, явно витая мыслями где-то далеко от занятия и от смотрящих на него в величайшем удивлении студентов.

– Простите, профессор, – рискнул нарушить молчание Нил, нагло сверкая зелеными глазницами. – Но кажется, вы чем-то расстроены? Может быть, мы в состоянии чем-то помочь?

– Благодарю, мой юный друг, – лицо пожилого преподавателя чуть посветлело, он огладил бороду, – но в этом деле вы мне не помощники...

Вновь стало тихо, слышно было, как за стенкой, в соседней аудитории, бубнит преподаватель.

– Многие из вас присутствовали вчера на игре, – вздохнув, вновь заговорил профессор, и голос его оказался полон печали. – И видели, что произошло с вашей несчастной коллегой, ставшей жертвой внезапного и буйного помешательства.

– Лучше бы не видели! – вздохнул Шнор.

Арс был полностью согласен с другом.

– Сегодня утром, – продолжил рассказ преподаватель, и слушали его с куда большим вниманием, чем если бы он говорил про отравления, от укушения демонами происходящие, – мы с коллегами попытались исцелить ее. Все душевные болезни поддаются лечению с помощью соответствующим образом подобранных заклинаний. В этом же случае нас ждал полный крах!

По аудитории пробежал недоуменный гул.

– Да, полный крах! – на лице профессора отразилась растерянность. – Такого в своей практике я не помню! Все наши заклинания не сработали, они просто не затронули объекта воздействия! Невероятно!

И глава кафедры медицинской магии замолчал, задумчиво жуя губами. Взгляд его был полон искренней, почти детской обиды.

– И что же будет? – осмелилась спросить одна из студенток.

– С ней? Ничего, – ответил профессор. – Некоторое время подержим в изоляции, а там посмотрим... А мы с вами все же займемся отравлениями, от укусов демонских происходящими!

Студенты вздохнули и дружно зашуршали пергаментом.

Развлечение закончилось. Началась учеба.

– Я собрал вас здесь, господа, чтобы обсудить весьма неприятные вещи! – дребезжащий голос ректора МУ прокатился по помещению, и словно откликнувшись на него, в темных углах и за портьерами что-то неприятно завозилось.

Привыкшие ко всякому деканы и профессора не обратили на возню никакого внимания.

Кабинет ректора был местом странным даже по меркам университета. Он и выглядел по-особому. Стены топорщились рядами бревен (и это в здании, выстроенном из камня!), на потолке желтели доски, запах смолы плавал в воздухе.

Вся обстановка тоже времени изменялась, подлаживаясь под нового обитателя. Как это происходило – понять не мог никто. Но в тот же день, когда вновь избранный ректор (а им становился, по обычаю, самый сильный маг из четырех деканов) занимал кабинет, мебель меняла обличье с ловкостью профессионального оборотня.

Сейчас все было выдержано в спокойно-деловой манере. Ректор, тощий и длинный, точно алебарда, восседал в высоком мягком кресле, обитом алой кожей, прочим достались жесткие, неудобные стулья, расставленные с двух сторон от длинного, как язык болтуна, стола.

Над макушкой главы МУ, обряженного в положенную по должности белую мантию, пристроилась картина, изображающая Отцов-Основателей университета. Показанные в профиль, они гордо смотрели в сторону окна. Бороды и космы Первого и Второго магов, чьи имена были забыты ужасно давно, гордо развевались, Третий мог похвастаться лишь куцей бородашкой и впечатляющей лысиной, соединяющей лоб с затылком.

Висящие на резных с наличниками окнах портьеры смотрелись довольно странно, но упрекать кабинету, каким он должен быть, не смел даже глава университета. Поговаривали, что тут призраками обитают самые выдающиеся из прежних ректоров, недреманным оком следя за порядком, так что шорох в темных углах был мельчайшим из чудачеств, на которые был способен кабинет.

– Да, весьма неприятные вещи! – повторил глава МУ, Глав Рыбс, пристальным взором окидывая сидящих перед ним деканов и профессоров. – Странные вести доходят до меня в последние дни! Сначала убийство, совершенное непонятно как и неясно кем, потом сошедшая с ума студентка... А теперь я еще узнаю о том, что с преподавателями начало происходить нечто непотребное!

– Позвольте, ваша милость, я видел это сам, – прокричал, наливаясь багрянцем, мэтр Шизомудр, декан факультета магии неживого. Громадный и толстый, он выглядел точно копка сена, которую небрежно запихнули в черную мантию. – Случай странный и необъяснимый,

произошедший в харчевне для преподавателей... Из куриного яйца, сваренного и поданного для съедения, вдруг раздался громкий треск!

– Вот как? – выражение на лице ректора было отсутствующее. – Продолжайте!

– Мы все замерли в удивлении, поскольку никаких проявлений магии никто не ощутил, – лицо Шизомудра было растерянное, он явно жалел о том, что тогда оказался в столь неподходящем месте в неподходящее время. – А яйцо вдруг треснуло! Из него выбрался крошечный, в пол-ладони длиной, зеленый дракончик!

– Дракончик? – белесые брови на лице Глав Рыбса поднялись. Их обладатель, похоже, решил, что явлению зеленой рептилии поспособствовала другая, обитающая в бутылках и бочонках. – Вы его точно видели?

– Как вас сейчас, ваша милость, – с самым несчастным видом ответил декан. – Он пыхнул пламенем, подпалив бороду заказавшего яйцо поцента, после чего взлетел к потолку и лопнул...

– Вот значит, откуда поползли эти слухи! – ректор нахмурился, и его мимику тут же повторили Отцы-Основатели на портрете. – Странная история...

– Вы не верите моему рассказу? – Шизомудр изобразил на лице оскорбленную невинность.

– Почему, верю, – кисло ответил Глав Рыбс, – но...

Что именно он хотел сказать, осталось загадкой, поскольку дверь, по идее, закрытая заклинанием, с треском распахнулась. В дверном проеме обнаружилась приземистая фигура в покрытом пылью шлеме.

– Всем стоять! Лицом к стене! Руки за голову! – негромко прохрипела она.

Маги замерли в оцепенении. Выпученные глаза, отпавшие челюсти, поднявшиеся брови – они являли собой идеальную натуру для аллегорической картины «Измучение».

Фигура с невнятным бормотанием обошла кабинет, заглядывая за портьеры и чихая от попавшей в нос пыли, после чего опустилась на четвереньки и свирепо уставилась под стол.

Маги, включая Отцов-Основателей с портрета, с опаской следили за ней глазами.

– И тут ничего! – с явной обидой произнесла фигура, после чего придала себе прямоходящее положение и удалилась.

Хлопнула закрывшаяся дверь.

– Кто это был? – почти взвизгнул ректор, вновь обретя дар речи.

– Э, судя по всему – Торопливый, – подобострастно ответил один из профессоров, обладающий, судя по всему, могучим интеллектом.

– Это-то я понял! – Глав Рыбс воззрился на него, словно вегетарианец на котлету. – Но что он тут делает?

– Должно быть, проводит расследование, – предположил мэтр Тугодум. – Собирает улики...

– У меня в кабинете?

На этот возмущенный вопль ответить было нечего.

Ректор еще некоторое время бурчал и размахивал руками, демонстрируя крайнюю степень душевной неустроенности. Деканы и профессор тихо, словно кошка у мышиной норки, ждали.

– Ладно, – проговорил Глав Рыбс, справившись с обуревающими его эмоциями. – Вернемся к нашим козлам...

Водилась за ректором особенность перевернуть пословицы. Подчиненные подхихикивали над ней, но, разумеется, за глаза.

– Что же получается? – продолжил глава МУ, и в дребезжащем его голосе появились раскаты гнева, достойные самого бога-громовержца. – Убийство, безумие, а теперь еще и зеленые

змии из яиц выколупываются... И никаких следов хорошо известной нам магии! Что это все значит, я вас спрашиваю?

Профессора и деканы переглядывались с самым растерянным видом. Ни у кого не было никаких предположений.

– Не знаю, – рискнул пискнуть кто-то.

– Вот! И я не знаю! – патетически вознеся руки над головой, возвестил Глав Рыбс. – А такого быть не должно! А у кого мы можем это узнать?

В наступившей тишине хорошо было слышно, как со скрежетом и урчанием работают преподавательские мозги.

– У богов? – после пятиминутных размышлений высказал догадку декан Тугодум.

– Мысль хорошая, – одобрил ректор. – Но как ее осуществить на практике?

Маленький, похожий на сушеного гнома заведующий кафедрой пограничной магии, к ведению которого относилась и теология, осторожно откашлялся.

– Вы знаете, ваша милость, что магические процедуры не имеют высокой эффективности в случае, когда их объектом являются существа, стоящие выше магии, а именно боги, – сказал он. – А даже если мы и возьмемся готовить ритуал обращения к тому или иному божеству, то на это уйдет не один день. Может быть, имеет смысл обратиться к жрецам? Их методы куда более эффективны...

– Что вы сказали? – узкое лицо Глав Рыбса побагровело, став похожим на свеклу странной формы, поросшую сверху седыми волосами. Беспокойно зашевелился профессор медицинской магии, опасаясь, видимо, что главу МУ хватит удар. – Обратиться к жрецам?

– Ну да... почему бы и нет? – специалист по пограничной магии уразумел, что допустил какую-то оплошность, но какую именно – понять пока не мог.

– Вы что, сошли с ума? – загремел ректор не хуже опрокинувшегося воза с кузнечным товаром. – Обратиться к этим мошенникам, чтобы о том, что у университета проблемы, через неделю узнал весь город? Возможно, они помогут, но при этом мы окажемся выставленными на посмешище! Вам это понятно?

Заведующий кафедрой пограничной магии посерел лицом и стал выглядеть еще меньше ростом, хотя подобное до сего момента казалось вообще невозможным. Из-за столешницы виднелась только его лысеющая макушка, похожая на болотную кочку.

– Все поняли? – ректор прямо кипел от гнева, на нем можно было жарить яичницу. Деканы и профессора мялись под гневным взглядом. – Никаких жрецов! И никто за пределами университета не должен знать, что у нас проблемы! Предупредите преподавателей и студентов, хотя этим болтать не запретит никто... Ясно?

Почтенные волшебники кивали столь рьяно, что впору было опасаться, что старые шеи не выдержат, и седые, набитые знаниями головы покатаются по столу, точно мячи для игры в литрбол.

– Вы, – взгляд ректора обратился к профессору пограничной магии (точнее, к видимой его части), – да вылезьте вы из-под стола! Должны подготовить вся для заклинания вызова. Чтобы мы могли воззвать к кому-то из божеств в любой момент. Все необходимое для ритуала получите со склада...

Глаза на гномоподобном лице зажглись алчностью. Похоже, ушлый профессор решил под шумок заказать столько всего, что хватило бы на то, чтобы обратиться разом ко всем двадцати четверем Первичным Богам.

– И всем соблюдать величайшую бдительность! – Глав Рыбс нахмурил брови, и его жест повторили Отцы-Основатели. В полу кабинета что-то угрожающе заскрипело. – Сама репутация нашего университета под угрозой! Помните об этом! А сейчас – все свободны...

Болтая и толкаясь, точно первокурсники, нацепившие для развлечения седые парики и накладные бороды, прохфессора и деканы покинули кабинет. Последним через дверь протиснулся боком (иначе он не пролезал) декан Шизомудр.

– Ну и жизнь пошла, – пробормотал ректор и потянулся к ящику стала, в котором хранилась бутылка настойки на белене и волчьих ягодах.

Первейшее средство для мага, чтобы снять стресс.

– Ну, чем можете похвастаться? – лицо Игга Мухомора в это утро было краснее обычного, а в голосе слышались визгливые нотки. Все это выдавало что начальник городской стражи находится в куда худшем расположении духа, чем обычно. Учитывая, что обыкновенным его состоянием было недовольство окружающим миром вообще, и подчиненными в частности, Торопливых, попавших сегодня в кабинет к Мухомору, ждали нелегкие испытания.

Но лейтенанту Лахову и сержанту Калису деваться было некуда.

Сохраняя выражение лица, обычно свойственное придорожным столбам, они стояли навытяжку перед столом МЕНТа и старались пореже моргать. На всякий случай.

– Какие достижения на ниве раскрытия убийства в университете? – повторил вопрос Мухомор, сформулировав его слегка по-другому.

– Э... – глубокомысленно изрек Лахов. – Был проведен допрос свидетеля.

– Так что, есть свидетель? – удивился Мухомор. – И почему же преступление до сих пор не раскрыто?

– Дело в том, – лейтенант слегка осмелел, слыша рядом подбадривающее сопение Калиса, – что свидетель – растение.

– Не понял? – на мгновение МЕНТ растерялся, затем щеки его вновь запылали гневом. – Вы что, с дубами разговаривали? Нашли, так сказать, родственные души? Собратьев по интеллекту?

– Нет, не с дубами, – вмешался сержант, приходя на помощь сникшему под напором начальства коллеге. – Это мандрагора, говорящий куст.

– И чего она сказала?

– А ничего дельного, – вновь обрел голос Лахов. – Долго ругалась, что мы к ней пристаем, потом сообщила, что ничего видеть не могла, так как глаз не имеет, а когда я на нее надавил, то заявила, что занесена в Красную Книгу и будет жаловаться в ВЦСПС...

– Куда занесена? – вновь оторопел Мухомор. – Кому жаловаться?

– А я почем знаю, – пожал плечами лейтенант. – Но звучит грозно. Выкрутишь ей листики, а тебя потом маги в жабу превратят...

– Что с телом? Каково заключение Знатоков? – гневный визг вновь прорезалось в голосе главного стражника.

– Тело мы доставили, – бодро отрапортовал Калис, – но Знатоки в недоумении, такого способа убийства они не знают...

– Дармоеды, зачем только кормим, – проворчал МЕНТ. – А где сержант Ргов?

– Он... все на задании... – плутовато моргнув, ответил Лахов.

– Что? – Мухомор резко вскочил, загрохотал отодвигаемый стул. – Вы до сих пор не нашли его? Как такое возможно!

– Он внутри университета, – сказал Калис, испытывая сильное желание достать арбалет (а их происходящий из воинственных горцев сержант таскал с собой ровно пять штук) и пустить стрелу себе прямо в лоб, – это нам известно точно. Мы спрашивали у студентов, и они говорили, что видели его там...

– Почему вы не пошли за ним? – с губ впавшего в ярость командира Торопливых полетела слюна.

– Мы бы тоже потерялись, – преодолевая позыв сделать шаг назад, сказал сержант. – Там любой демон заблудится...

– Демон! – завопил Мухомор, потеряв остатки самообладания. – Он пусть блудит где угодно, – двусмысленность сказанного МЕНТ вряд ли осознавал, – но воин городской стражи, охраняющий порядок, должен находить дорогу где угодно! Неумехи и бездари – вы достойны работать только золотарями и попрошайками! Три дня прошло, а ничего не раскрыто! И как смеее вы после этого являться ко мне?

Доблестный МЕНТ, похоже, забыл, что вызвал подчиненных сам.

– Идите, и не приходите без результатов! – он вскинул кулачок с торчащим наконечником копья указательным пальцем. – Вон!

– Не повезло, – сказал Калис Лахову, когда они оказались в коридоре.

– Ага, – ответил лейтенант, вслушиваясь. Судя по звукам, Мухомор крушил мебель собственной головой. – Пойдем, полечим нервишки?

Отказываться сержант не стал и стражи порядка дружно затопали вниз по лестнице.

Глава 3

Библиотека Магического Университета – место особое. Под нее отведены обширные помещения на подземных этажах, и не только по причине того, что ценные рукописи нужно охранять от воров.

Нужно еще охранять неосторожных людей от этих самых рукописей.

Знание – как известно, сила. А магическое знание – сила вдвойне. Заключенное в книгах, оно обладает одной неприятной особенностью – притягивать к себе энергию и обзаводиться самосознанием. Чем толще и старше книга, тем она сильнее и разумнее.

Древние фолианты, чей возраст исчисляется тысячелетиями, по уму намного превосходят среднего человека, и вздумай тот раскрыть подобную книгу, то она прочтет его быстрее, чем он осилит первую страницу. Довольно стукнет закрывающийся переплет, а неудачливый «читатель» останется слюнявым идиотом. Только величайшие из волшебников способны просматривать подобные книги без вреда для здоровья.

Но есть случаи еще более опасные. Характер рукописи определяется содержащимся в ней знанием. Если книга является не пособием по родовспомогательной магии или энциклопедией народностей Лоскутного мира, а справочником по привычкам демонов или гримуаром по некромантии, то доброты в ее повадках будет столько же, сколько в рыке голодного льва.

Подобные книги держат не просто под запором, а еще и на цепях, и работать с ними приходится в толстых перчатках – иначе читающий рискует остаться без нескольких пальцев.

Первокурсников в библиотеку вообще не пускают. Только тем, кто достиг второго года обучения, показывают дорогу к узкой лестнице, ведущей к дверям из черного дерева, украшенного защитными знаками из серебра.

Арс ходил сюда второй год, и все одно не мог привыкнуть к холодной тьме, окутывающей ведущую к библиотеке лестницу. Спускаясь, приходилось нащупывать ступеньки ногой.

Впереди тускло светились вырезанные на двери магические знаки, а по спине бегали мурашки непонятно откуда взявшегося страха.

Толкнув дверь, он оказался в самом начале огромного зала. Вдаль, теряясь в полумраке, уходили стеллажи со стоящими на них книгами. От некоторых томов исходило слабое свечение, а издалека, из-за пределов видимости, доносилось грозное шуршание пергаментных страниц.

Закрывающаяся дверь неожиданно громко хлопнула за спиной, и Арс вздрогнул.

Слева, за высокой конторкой из темного дерева что-то зашевелилось, и, словно соткавшись из тьмы, оттуда выдвинулась высокая фигура. Зеленым огнем сверкнули глаза.

Мало кто, увидев библиотекаря в первый раз, не испытывал страха. Зная о недостатках собственной внешности, он почти никогда не появлялся наверху, но студентам, впервые попавшим в библиотеку, доводилось несладко.

Наиболее впечатлительные падали в обморок, иным приходилось менять штаны, кто-то с воплем бросался бежать, а самые смелые пробовали защититься при помощи выученных на первом курсе заклинаний.

Что, в общем-то, неудивительно.

Библиотекарь был высок и сутул. Кожа его отливала зеленой, как у жабы, а на лице обвисала многочисленными складками. Голый череп маслянисто блестел, двумя гнилушками горели глаза. Руки по длине подошли бы скорее обезьяне, чем человеку. Ладони с гибкими бескостными пальцами болтались где-то на уровне колен.

Все это не было результатом неудачного магического эксперимента, врожденным уродством или последствием проклятия.

Просто библиотекарь, именовали которого Мешок Пыль, не являлся человеком. На самом деле его имя звучало совершенно по-другому, но выговорить его в оригинале смог бы разве что человек с двумя языками.

Принадлежал хранитель книг к славному народу гроблинов, обитающему в Лоскуте, называемом Кладбище, и лежащем далеко к западу от Ква-Ква. Гроблины редко покидали пределы родины, а прочие разумные расы вовсе не стремились свести с ними знакомство.

Мало кому захочется дружить с существами, более всего похожими на трупы.

Гроблинов это мало трогало. Они преспокойно вели ночной образ жизни в вырытых в земле домах, похожих на могилы, а когда кто-либо из них «оживал», то сжигали тело, а прах развеивали.

– Привет, Арс, – сказал библиотекарь зловещим шепотом, и растянул губы в чем-то среднем между радостной улыбкой и кровожадным оскалом. Вдобавок ко всему прочему, мимика гроблинов была слабо приспособлена к восприятию представителями других разумных видов.

– Привет, Мешок, – отозвался Топыряк. – Как ты тут?

– Все в меру отвратительно, – прошелестел библиотекарь, скрывая за бледными узкими губами острые белоснежные зубы, похожие на акулы. – Что привело тебя сюда?

Стоит отметить, что система ценностей гроблинов полностью противоречит оной у всех остальных рас. «Отвратительно» в устах библиотекаря означало «хорошо» на языке людей или эльфов.

– Да нужно написать небольшой трактат, – Арс сморщился, вспоминая зануду-преподавателя, «обрадовавшего» студентов этим заданием, – на тему «Особенности жизнедеятельности демонов класса АЗ».

– Ясно, – кивнул Мешок Пыль, выходя из-за конторки. В тени ее, как шептались студенты, располагался гроб, в котором библиотекарь спал. – Иди за мной, я провожу тебя к нужной полке.

Некоторые книги разрешалось выносить, некоторые нет, но в любом случае, только феноменальная память специально обученного гроблина могла удержать в себе все хитросплетения стеллажей, на которых размещались сотни тысяч трактатов от «Лабометральной коррекции заклинаний» Аарну Пропетикуса до «Краткой энциклопедии гномьих ругательств» в восьми томах под редакцией Яюхтара Мизракийского. Громадный зал, который начинался от входа, был только одним из многих помещений библиотеки. Под ним располагались меньшие комнаты, содержащие опасные книги, к которым допускали с пятого курса, за запертыми дверями – рукописи, доступные лишь для преподавателей, а еще ниже, за толстыми стенами и надежными замками – погребя, в которых хранились фолианты особого доступа, посвященные самым черным разделам магии.

Попасть к ним можно было только с разрешением самого ректора.

Шагая за проводником и глядя в его сутулую узкую спину, Арс размышлял о том, что могло заставить добропорядочного гроблина покинуть родину и отправиться в далекое путешествие к университету.

В книгах об этом народе писали слишком мало, а библиотекарь становится источником знаний о соплеменниках не спешил. Приходилось довольствоваться слухами.

Пришедший к воротам МУ почти сто пятьдесят лет назад гроблин вызвал настоящий переполох, но его приняли, и он успешно получил диплом по специальности «Магия слова». И вместо того, чтобы уйти восвояси, попросился на место библиотекаря.

Которое и занимал с тех пор, пережив трех ректоров. Скольких он еще переживет, можно было только гадать. Продолжительность жизни, точнее, смерти гроблинов оставалась загадкой. Как и многое другое.

Известно было лишь, что Мешок Пыль обожает похороны. Они напоминали ему праздники далекой, давно покинутой родины. Ради присутствия на погребальных церемониях, о которых он узнавал непонятно как, библиотекарь даже оставлял свои обязанности.

И тогда библиотека оказывалась закрытой. Для всех, включая ректора.

Они шагали между высоких полок, которые время от времени прерывались, обнажая поперечные коридоры. Иногда поворачивали, а Арса терзала мысль, что этот лабиринт тянется бесконечно, замыкаясь сам в себя, а заблудившийся тут будет бродить вечно.

Ходили слухи о сгинувших тут студентах и даже преподавателях, о призраках, таящихся меж пыльных полок...

Над этим можно было сколько угодно смеяться наверху. Но здесь, в полумраке и тишине все казалось до ужаса реальным.

Книги жили собственной жизнью. Они шевелились, трепетали страницами, некоторые изрыгали облачка огня или дыма. Слышался шум, похожий на хлопанье множества крыльев, некоторые фолианты пихались, норовя отвоевать у соседей побольше места.

Кроме книг, обитали тут и иные существа, вроде буквоедов или ходячих энциклопедий, но обнаружить их неопытному взгляду было нелегко. Буквоеды замирали среди страниц, приносясь закладками, а энциклопедии поспешно втискивались на полки, делая вид, что они обычные, добропорядочные книги.

Арс лишь краем глаза успевал уловить смазанное движение.

– Вот здесь книги по демонам, – сказал Мешок Пыль, останавливаясь около громадного стеллажа, сплошь уставленного пухлыми томами в обложках темных тонов. Сбоку к нему пристроилась лестница, похожая на скучающего богomoла и такая хрупкая, что, казалось, без риска пользоваться ей могут разве что привидения. – Только те, что в общем доступе. Но тебе, я думаю, хватит. Оставляю колокольчик, закончишь – просигналишь.

И, передав Арсу небольшой колокольчик, библиотекарь бесшумно сгинул в полумраке.

Студент остался один.

Не без трепета оглядевшись, он наскоро создал висящий в воздухе световой шар. В библиотеке из-за высокой концентрации магической энергии это было нетрудно. Простые заклинания удавались тут с ошеломляющей легкостью, зато сложные, где требовался тонкий баланс сил, чаще не срабатывали. По той же самой причине. Разнородные потоки магии, текущие в беспорядке в самых разных направлениях, причудливо смешивающиеся и клокочущие, точно вода в кастрюле, поставленной на огонь, мешали добиться необходимой точности.

Наскоро оглядев стеллаж, Арс понял, что нужные ему книги расположены, по никем еще не доказанному, но никем и не опровергнутому закону подлости, на самом его верху. Чуть ниже черной лоснящейся поверхности, которая в библиотеке именовалась потолком.

Лестница раздвинулась с ужасающим скрипом.

Установив ее с самого края стеллажа, Арс с осторожностью поставил ногу на первую ступеньку. Та возмущенно закричала, но выдержала.

Еще ступенька, потом еще одна. Скрип не прекращался, и Арс серьезно опасался, что в любой момент медленное движение вверх может смениться куда более быстрым падением.

Но обошлось. Голова Арса оказалась на одном уровне с верхним рядом книг, и он перевел дух.

И в этот же момент откуда-то из глубины библиотеки донесся тяжелый удар. «Бум!» – сказала темнота, словно кто-то изо всей силы стукнул по огромному барабану.

Не успел Арс испугаться, как прозвучал еще один удар, от которого пол заметно вздрогнул. Далее гулкие звуки следовали один за другим, мощные и ритмичные. По всему выходило, что идет кто-то громадный и тяжелый, приближаясь неумолимо и неспешно, словно сама смерть.

Арс мгновенно ощутил, что вспотел. Спина под мантией стала мокрой, захотелось оказаться где-то в другом месте. С трудом смирив прыгающее сердце, он пробормотал несколько слов и поднял руку, готовясь швырнуть в обладателя тяжелых шагов, когда тот появится рядом, обыкновенную молнию.

Шаги приближались, они звучали уже совсем рядом. Пол трясся, лестница опасно колебалась, грозя рухнуть. Арс балансировал на ее вершине, готовясь к схватке не на жизнь, а на смерть...

И в тот момент, когда обладатель шагов должен был появиться в проходе, все стихло. Арс слышал только собственное тяжелое дыхание и неумолчный шелест страниц вокруг.

– Развели тут всякой пакости, – пробормотал он, хватая за корешок первую попавшуюся книгу. Та оказалась ходячей энциклопедией.

Когда шершавое тело забилося у него в руках, Арс едва не заорал и поспешно разжал пальцы. Энциклопедия шлепнулась на пол, выпростала из-под переплета две пары коротких кривых ножек, и, раздраженно шурша, побрела в сторону.

Имя эти странные существа получили по той причине, что питались знаниями, слизывая их со страниц настоящих книг. Молоденькая энциклопедия выглядела чистой, страницы же старой содержали невообразимую мешанину отрывков из самых разных произведений.

Следующие книги Арс брал осторожно, предварительно тыкая в них пальцем. Но энциклопедия, к счастью, нашлась всего одна. Прочие книги вели себя смирно, лишь одна, толстая, точно откормленный поросенок, в черном переплете с изображением клыкастой морды попыталась тяпнуть студента за палец.

Затея не удалась, и «Путеводитель по демонам» Дриггота, рассказы о дурном нраве которого передавались студентами из поколения в поколения, послушно раскрылся перед Арсом.

Замелькали страницы, украшенные гравюрами, более всего похожими на зарисовки ночных кошмаров.

Арс вздохнул и приступил к работе.

Тема, заданная для трактата, не была особенно сложной, но изрядно трудоемкой. Демоны, как известно, делятся на четыре больших класса, от «А» до «Г», а внутри классов существуют деления второго порядка, от пяти для «А» до двух для «Г».

Основой для этой несложной группировки служит сила и ум демонического существа. Класс «А» – плебеи Нижнего мира, самые многочисленные и слабые. Опасны они прежде всего количеством. В то же время хватит одного демона класса «Г2», чтобы за несколько дней стереть с лица земли довольно большой город.

Если в нем не окажется опытного мага, разумеется.

К тому же демоны такого уровня слишком умны, чтобы вырвавшись в Лоскутный мир, заниматься такой ерундой, как разрушение городов. Хотя в плохом настроении даже человек способен на гадости...

Что же говорить о демонах? Их дурной нрав известен даже тем, кто никогда с обитателями Нижнего мира не встречался.

Арсу для трактата достался класс «А3». Ничего необычного и даже просто интересного. Балансируя на шаткой лестнице, Топыряк просматривал книги, те, которые казались нужными, небрежно швырял вниз. Гневно трепеща страницами, фолианты мягко приземлялись.

Чтобы передвинуть лестницу, приходилось спускаться. А после вновь подниматься по ее шатким ступеням. Ноги ныли, жалуясь на тяжкую судьбину, и когда кipa книг внизу достигла высоты в половину человеческого роста, Арс решил, что хватит.

И тут-то лестница не выдержала.

С мстительным «крак!» одна из ее ножек подломилась, и Арс, сжимая в руках толстенный томище, который не успел поставить на место, полетел вниз. «Хум!» – воздух с шумом покинул

грудь, когда Топыряк со всего маху шмякнулся в грудь знаний. Книги смягчили удар, но перед глазами все равно замелькали разноцветные искры.

Несколько мгновений Арс пребывал в отключке.

Очнувшись, он обнаружил, что сидит на полу, продолжая сжимать нервно вздрагивающий том, а вокруг живописно разбросаны книги. На коленях пристроился листок, явно вылетевший из какой-то рукописи.

Неприятно ныл копчик. Ему полет точно не понравился.

Знания, почерпнутые из курса «Базовые навыки оказания себе первой помощи», пришились как никогда кстати. Кряхтя, точно скупец, обнаруживший пропажу заветного сундука с добром, Арс прошептал краткий заговор, и ноющая боль в нижней части спины унялась.

Осталось разобраться с рассыпанными книгами.

Пока Арс поднимался, оказавшийся на коленях листок с шорохом съехал на пол. Нагнувшись, студент подобрал его и обратил внимание, что пергамент, попавший ему в руки, выглядит ужасающе ветхим, словно пролежал тут не одну тысячу лет.

Его желтую поверхность покрывала сеточка мелких трещинок, а чернила изрядно выцвели, став из черных бледно-сиреневыми. Только мощные потоки магии, пропитывавшие надпись жизнью, уберегли ее от разрушения.

Исполнившись любопытства, Арс поднес листок поближе, надеясь прочесть написанное. Источник магического света во время падения не пострадал, и сиял все так же ярко, но корявые древние буквы все равно удалось разобрать лишь с большим трудом.

К удивлению Топыряка, они сложились во что-то, напоминающее стихи:

Ражденный руками кипящей башки
Смерть в грядках и золото тем, кто не стоит
Разбей твари плоть, собери ее слезы
Восстанет из тьмы чрез эоны тоски
Безумия скорбь, пламя, зверства разбоя
Следы привидут, пахнут слаще навоза
Даров страшный плод принисет он с собой
Получит ражденный оценки и страсти
Победою станет одна лишь ерунда
Норушив учащихся тихий покой
Окажутся души в бездушного власти
Стремящийся выжить умрет навсегда.

Подписан сей выкидыш поэтической утробы был без особых претензий «ПРАРОК».

– Да, – хихикнул Арс. – Насочиняют же такое!

Он уже собрался засунуть листок обратно в книгу, из которой тот, скорее всего выпал – «Сиксуальные привычки демонов» Маньи Ака, как вдруг мысль хлестнула его с силой сорвавшейся с неба молнии.

«Смерть в грядках» – это очень даже походило на страшное происшествие, не так давно потрясшее весь университет. А «безумия скорбь» – на внезапное помешательство, приключившееся на литробольном матче!

Помешательство, с которым ничего не смогли сделать лучшие лекари!

Все прочее выглядело откровенным бредом. Что за руки могут быть у башки, к тому же кипящей? Что за тварь, которой нужно разбить плоть? Но вся эта мура не могла скрыть того, что «ПРАРОК», похоже, предвидел обрушившиеся на МУ неприятности...

Но что это был за «ПРАРОК»? Когда он жил? Как кусок пергамента оказался в книге, к пророчествам никакого отношения не имеющей?

Вопросы роились вокруг Арса, точно рой разгневанных ос, и намеревались закусать его насмерть. Чтобы спастись от них, он свернул лист, на что тот отозвался недовольным хрустом, и сунул в карман мантии.

«Потом! – твердо решил он. – Сначала книги!»

Порядок удалось навести с помощью найденной у соседней полки второй лестницы. Эта выглядела родной сестрой первой, к счастью – младшей. Арс сделал выписки, распахал ненужные книги по местам, а отобранные для подробного ознакомления сложил в предусмотрительно взятую с собой сумку.

Настала пора звонить в колокольчик.

При сотрясении из него не раздалось не единого звука, словно язычок был сделан из войлока, зато где-то далеко, на грани слышимости, что-то тяжело вздохнуло.

Мешок Пыль возник из-за угла полки столь стремительно, что Топыряк невольно вздрогнул.

– Все сделал? – спросил библиотекарь. – Хорошо. Идем.

Весь обратный путь Арс мучился сомнениями – показать гоблину находку или нет? Наконец, когда они достигли конторки, и до выхода осталось несколько шагов, он решился.

– Смотри, Мешок. Ты не знаешь, что бы это могло быть?

Тонкие пальцы библиотекаря с величайшей осторожностью коснулись куска пергамента. Надпись словно засветилась на мгновение, стала ярче и четче.

– Хм... – губы гоблина раздвинулись, образуя на человеческий взгляд – издевательскую ухмылку. – Где ты это взял?

– Он выпал из одной книги по сексуальной жизни демонов, – пояснил Арс. – Должно быть, кто-то забыл его там...

– Это написано действительно давно, – Мешок Пыль покачал головой. – Много тысяч лет назад.

И он осторожно, точно держал в руках хрупкую редкую бабочку, вернул листок юноше:

– Ты нашел, тебе и владеть.

– А ты не знаешь, кто мог это написать? – полюбопытствовал Арс, пряча находку в карман.

– Слишком короткий текст, чтобы опознать автора, – гоблин вновь улыбнулся, на этот раз – торжествующе (хотя на самом деле улыбка эта скорее всего выражала разочарование). – А пророков, сам знаешь, тьма-тьмушая... каждый спешит что-либо предсказать! Чем мрачнее и непонятнее, тем лучше!

– Эх, ладно, – Арс поудобнее обхватил стопку книг, которые намеревался забрать. – Тогда я пошел. Всего тебе наилучшего.

– Чтоб ты сдох! – традиционное гоблинское прощание было произнесено с интонациями совершеннейшей искренности.

Сомневаться в расположении к себе библиотекаря Арсу не приходилось.

– Где вы это нашли? – преподаватель с кафедры пограничной магии, который вел у будущих борцов с демонами курс практической мантики, вертел листок пергамента с такой гадливостью, словно любознательный студент притащил ему вонючий катышек овечьего производства.

– В библиотеке, – ответил Арс, – в одной книге. Мешок Пыль сказал, что это предсказание очень древнее...

Здраво решив, что в пророчествах больше всего понимают те, кто их изучает профессионально, Топыряк со своей находкой обратился к представителю кафедры, которая занималась всем тем, что не вписывается в традиционные магические дисциплины.

Теологией, структурой пространства, пророчествами и прочей ерундой.

Впрочем, сами пограничники считали, что предаются исключительно важным, фундаментальным исследованиям, и поколебать их в этой точке зрения рискнул бы разве что очень отважный человек.

Кому охота остаток жизни провести в виде рассеянных по пространству молекул?

– Древнее? – при упоминании гроблина лицо пограничника скривилось. Зеленокожий библиотекарь не пользовался у преподавателей особенной популярностью, поскольку не считал нужным им подчиняться. – Возможно, оно и так... Но я думаю, что это все же подделка...

– А кто мог это написать? – не отставал Арс.

– Не могу вам сообщить, – ответил преподаватель, возвращая листок и обтирая руки о синюю мантию. – Обратитесь к прохфессору Крупице. Он у нас знаток древних прароков...

Вышеназванный прохфессор был отловлен в помещении кафедры, где он мирно дремал в огромном кресле, около камина, в котором весело потрескивало пламя. На поиски кафедры Арс потратил почти полдня блужданий по зданию университета и, зная его коварные свойства, искренне опасался, что назад будет вернуться не легче.

– Прохфессор, прошу прощения, – сказал он с максимально возможной в данной ситуации вежливостью (если честно, то сдерживая желание завопить: «А ну очнись, старая калоша, и отвечай на мои вопросы!»).

Крупица, чье лицо размерами и топологией напоминало сморщенную хлебную крошку, чуть не подпрыгнул в кресле.

– А? Что? – воскликнул он. – Уже ужин?

– Не могу знать, – пожал плечами Арс, ощущая, как голодно бурчит в животе. Сыскать пропитание за время странствий по МУ не удалось. – Просто мне нужна ваша помощь...

Прохфессор некоторое время глядел на студента с непомерным удивлением, словно перед ним вдруг объявился таракан и предложил свои услуги в качестве грузчика. Потом взгляд его сфокусировался и обрел некую разумность.

– Ах, не ужин... – с досадой пробормотал Крупица, а потом долго, с наслаждением зевнул. – Чтоооо тааам у вааас?

Арс в очередной раз извлек листок и изложил историю его обретения.

– Мне хотелось бы знать, кто мог это написать, – закончил он.

– Мда, ух, хм, – глубокомысленно забормотал профессор, вертя листок туда-сюда и щурясь на него подслеповатыми глазами. – Конечно, моя научная работа на тему: «Влияние точности предсказаний на приплод крупного рогатого скота в период Староместского регентства» создала мне определенную репутацию... но, хм, ух... да...

Судя по всему, прохфессор мог создать себе еще одну репутацию, соорудив трактат на тему: «Мямление как инструмент общения». Он пыхтел, кряхтел и изрекал нечто невразумительное до тех пор, пока Арс окончательно не разозлился.

– То есть, вы не знаете ничего? – спросил он, почти выдирая пергамент из тонких лапок Крупицы.

– Ну сказать так не могу, ибо... хм, ну, впрочем...

Под смущенное хмыканье Арс покинул помещение кафедры. Судя по тому, что бормотание за закрывшейся дверью не прекратилось, прохфессор его ухода не заметил.

Город Ква-Ква особенно приятен для студентов вечерними и ночными развлечениями. Сказать, что обитатели университета только тем и занимаются, что зубрят заклинания и опробуют их на практике, значит изрядно погрешить против истины.

А если совсем против нее не грешить, то студиязусы в основном балбесничают и развлекаются на полную катушку. От их проказ стонут Торопливые, рыдают горячими слезами добродетельные обыватели, обитающие в опасной близости от МУ (жилье тут стоит гораздо

дешевле, чем на других окраинах), а уличные коты и собаки, едва завидев силуэт в мантии, тут же кидаются бежать без оглядки.

У животных это стало почти инстинктом.

Утром дня Голенастой Змеи Арс проснулся бодрым и отдохнувшим. Причиной тому стало то, что утро затянулось далеко за полдень. Матрас, на котором спал Топыряк, впивался в тело непонятно откуда выросшими за ночь твердыми выпуклостями, а из угла комнаты доносились немелодичное сопение, издаваемое двумя дырками в носу Шнора Орина, вместе с которым Арс снимал жилье.

День Голенастой Змеи, как и еще два в течение месяца, традиционно отводились студентам на отдых. На самом деле они предназначались в первую очередь для преподавателей, желающих провести денек в тишине и покое, без терзающих мозги дурацких вопросов. Но профессор с поцентами об этом дипломатично умалчивали.

– Мы утро встречаем в забое, рассвет отмечая кайлом! – пропел Арс строку из знаменитой гномьей песни. – Любимая, что ж ты не рада, алмазов тебе принесем!

– Хватит орать, – сказал сонным голосом Шнор. – В такую рань людей будишь...

– Какая рань? – возмутился Арс, придав верхней части туловища вертикальное положение. От этого усилия матрас опасно закрипел и сделал попытку разлезться на куски. – Скоро вечер. Сегодня же день первокурсника, забыл?

– А, точно, – Орин шумно почесался. – И где?

– В ночной берлоге «Три поросенка».

Ночные берлоги были исконным квакваским изобретением. Только жители самого большого, грязного и противоестественного города во всем Лоскутном мире могли подумать, что кому-то понравится веселиться ночью в глухом подвале, где тесно, душно и шумно.

К удивлению всего остального мира, они оказались правы. Любителей подобного отдыха нашлось предостаточно, в основном среди подрастающего поколения.

Берлоги открывались ближе к полуночи, и там под удалую бесшабашную музыку, от которой стошнило бы истинного любителя искусства, можно было предаться всем существующим на свете сомнительным удовольствиям, начиная от танцев и заканчивая употреблением внутрь веществ, о пристрастии к которым в приличном обществе говорить не принято.

Ревнители нравственности называли берлоги «притонами разврата и порока», что только добавляло подвальному заведению популярности, а стражи порядка давно махнули на них рукой, устраивая себе время от времени невинные развлечения в виде облав.

Берлога «Три поросенка» славилась в первую очередь вывеской, на которой беззастенчиво скалились три здоровенных щетинистых борова. Судя по сведенным в кучу маленьким глазкам, лужа, в которой оные поросята проводили досуг, состояла никак не из воды.

Кроме того, «Три поросенка» располагались ближе всего к университету, и пользовались среди студентов самой большой популярностью.

День первокурсника, полуофициальный праздник посвящения новичков в университетское братство, тоже чаще всего проходил именно там, среди столиков, стилизованных под огромные пятачки, и под свешивающимися с потолка многочисленными пороссячьими хвостиками.

К тому времени, пока Арс и Шнор окончательно проснулись, на смену дню явился вечер. Прилегающий к университету квартал потихоньку затихал. Хозяйки загоняли в дома детей, лавочники запирали заведения, закрывая окна тяжелыми ставнями, а на двери вешая амбарные замки.

Всякий знал – сегодня гуляют студенты.

Торопливые тут появлялись не чаще раза в год, так что надеяться можно было только на себя, да еще – на богов, а они, как известно, помощники ненадежные.

– Ну что, ты готов? – спросил Арс, скептически разглядывая себя в зеркале. Черные волосы, с которыми не справится не один гребень, топорщатся, лицо в меру симпатично, парадная мантия вычищена и выглядит почти новой.

Для того, чтобы обаять девушек, облик вполне подходящий.

– А как же! – отозвался Шнор из комнаты. – Уже иду.

Выбравшись из дома, друзья зашлепали в направлении центра города. Двигались по обочине, так как пространство, называемое в Ква-Ква улицей, является кривым и неровным, украшенным канавами, ямами и колдобинами, обычно полными грязной воды.

Любой, пытающийся идти серединой улицы, подвергает опасности себя и свою обувь. Как тут проезжают телеги, в особенности груженные, остается загадкой для всех.

Когда дошли до «Трех поросят», основательно стемнело. Сквозь дымное марево, всегда висящее над городом, протискивали свет самые наглые звезды. Со стороны реки потихоньку наползал тягучий, пахнувший тиной туман.

Вывеска ночной берлоги – плод труда кого-то из магов, выпускника кафедры строительного волшебства – неуверенно переливалась оттенками розового и золотого. Косоглазые боровы призывно щерились, их бока маслянисто лоснились, а копыта сжимали подозрительно чистые стаканы, которых в этом заведении отродясь не водилось.

У лестницы, ведущей вниз, в саму берлогу, толпились студенты. Хмурый вышибала-эльф, обманчиво хрупкий на вид, собирал деньги за вход. Ходили слухи, что у себя на родине, в Лоскуте Высокий лес он был то ли великим поэтом, то ли выдающимся лучником, то ли и тем и другим сразу.

Вольный (и надо признаться, несколько вонючий) воздух Ква-Ква сотворил в его душе странную перемену. Эльф забросил рифмы и аллитерации, запрятал подальше меткий лук и принялся зарабатывать на жизнь тяжким трудом вышибалы. К этому у него открылся неожиданный талант.

Убедиться в нем смогли многие, пытавшиеся буяннить в «Трех поросятах». Магия эльфа брала плохо, а кулаки его были тверды, словно камни, и быстры, как удар молнии.

И это вовсе не являлось поэтическим преувеличением.

– Привет, Араэль, – сказал Арс, отсчитывая деньги. – Все стоишь?

Эльф что-то пробурчал. Иного ответа от него, учитывая мрачный нрав, трудно было ожидать.

Спустившись по узкой и неудобной лестнице, друзья оказались в обширном, похожем на пещеру помещении. Заднюю его часть занимал довольно большой помост, покрытый розовым бархатом. На нем терзали инструменты музыканты в количестве пяти разумных существ. Тут был гном с огромным, больше него, барабаном, двое людей, один из которых совершал насилие над волынкой, а другой время от времени, когда просыпался, хлопал литаврами. Пара троллей извлекала из нескольких причудливо состыкованных камней равномерные вибрирующие звуки.

Рожающаяся какофония заставила бы сойти с ума даже глухого, от нее что-то ворочалось в животе, а поджилки сами начинали трястись. Эта «музыка» ощущалась скорее не ушами, а всем телом, в нее можно было погружаться, точно в воду.

Справа от помоста сгрудились столики, похожие на громадные пяточки, слева располагалась стойка, за которой протирали стаканы хозяин. В центре же все было забито телами танцующих.

Танцем это дрыганье и вихляние назвал бы только людоед из самого дикого Лоскута, но иного подходящего слова в человеческом, да и в любом другом языке не существовало.

В воздухе плавали клубы розоватого, подозрительно сладко пахнущего дыма, а подвешенный среди поросячьих хвостиков магический источник света расшвыривал во все стороны разноцветные мигающие пучки.

– Наших видишь? – проорал Арс прямо в ухо приятелю. Иначе разговаривать тут было просто невозможно.

– Нет, – ответил Шнор. – Пойдем, пока, пива возьмем...

До того момента, когда соберутся все и начнется собственно праздник, время еще оставалось, и друзья отправились к стойке. Народу, несмотря на видимую тесноту, было пока немного, и первокурсников можно было различить сразу – по обалделым вытянутым лицам.

Многие из них ранее жили далеко от Ква-Ква, и в ночную берлогу попали первый раз в жизни...

У стойки, вырезанной из мягкого дерева в виде непомерно длинной свиньи, держащей на спине поднос, приятели взгромоздились на табуреты и заказали пива, выбрав из длинного списка «Гномье темное».

Впрочем, вне зависимости от выбора клиента, кружки всегда наполнялись из одного бочонка.

– А ничего, – Топыряк успел сделать лишь один глоток темного, слегка отдающего хмелем напитка, как его кто-то потрогал за коленку.

Опустив голову, он обнаружил рядом представителя немногочисленного народа фей. Ростом феи в полчеловека, худые почти до прозрачности, а из спины у них растут большие, похожие на стрекозиные крылья.

И еще они слегка светятся.

– Чего тебе? – подозрительно поинтересовался Арс, по алому отливу в окраске определяя, что перед ним – злой фей.

В отличие от большинства разумных рас, у фей три пола, один женский, и два мужских. Женщины-феи не покидают пределы жилищ, и тот, кто их видел, может гордиться этим до скончания дней.

К каждой особи женского пола прилагается две мужского. Одна из них, с преобладанием синего цвета, именуется, стоит сказать – довольно условно, добрым феём, а с преобладанием алого – злым.

Откуда пошло это название и на кой ляд нужны феям два самца разных видов – этого не смог выяснить никто. Сами феи молчат не хуже рыб, а у прочих рас не хватило наглости лезть в чужую семейную жизнь.

В своей бы разобраться.

Общеизвестно было лишь одно – добрый фей без злого не ходит.

– А не угостишь ли ты меня кружкой пива? – прогудел злой фей неожиданно гулким для столь крошечной фигурки басом.

– А с чего это я должен тебя угощать? – вполне искренне удивился Арс.

– А с того, что если пожадничаешь, то участь твоя будет страшна! Кости твои станут пеплом, тело пожрут черви, а голова обратится в тыкву! – второй фей, высунувшийся из-за спины первого, оказался еще меньше. Голос же его скорее бы подошел пещерному троллю ростом в три метра, а не крошечному полупрозрачному существу.

Впечатление от произнесенного пророчества испортило то, что фей неожиданно смутился, опустил взгляд и принялся со смущенной улыбкой ковырять ножкой пол.

– Ой, что это я, – сказал он, – я же добрый...

– Во попрошайки! – рассмеялся Шнор. – Удрали от жены. Ведь так?

С нравами фей уроженец Троеречья, похоже, был знаком неплохо. В ответ на его вопрос феи дружно кивнули. Получив же кружку пива на двоих, выхлебали ее со скоростью страдающего похмельем гнома и исчезли в толпе.

– Привет, мальчишки! – от входа приятелям помахала Фома Катина. Шевелюра ее была выкрашена в цвет спелого баклажана, а на лице сияла проказливая улыбка.

– Привет! – в один голос ответили будущие демоноведы, опасливо поглядывая на спутника однокашницы – здорового литроболиста.

– Скоро все наши соберутся, – вздохнул Арс, – вон, смотри, кто это там так классно отрывается?

Тощий парень в черной мантии факультета магии неживого двигался так, словно его организм разом лишился всех костей. Ухитряясь улавливать в безумной музыке какой-то ритм, он дрыгался, вращая конечностями с такой скоростью, что видны были лишь смазанные очертания.

– А, это мой земляк, – отозвался Орин с легкой ноткой зависти, – Верек Сатис. Балбес и разгильдяй, но веселиться умеет – сам видишь...

Музыка прервалась так неожиданно, что Арс в первое мгновение решил, что оглох. Суматошно завращал головой, и лишь вливающийся в уши шум от множества переставляемых ног заставил его поверить, что с ушами у него все в порядке.

– Здорово, – из толпы вынырнул, сияя лунообразной улыбкой, Нил Прыгскокк. – Я не опоздал?

– Как видишь, нет, – ответил Арс.

И тут же на сцене, с трудом протиснувшись между троллями и их музыкальным инструментом, объявился Айра Петян. Ему, как самому большому болтуну, чаще всего поручали ведение различных мероприятий, где не требовалось большого ума.

– Йо! – выкрикнул Айра Петян бодро. – Рад приветствовать вас сегодня здесь!

Не привыкшие к подобной экспрессивной манере высказываться первокурсники изумленно моргали, напоминая глубоководных рыб, впервые рискнувших подняться на поверхность.

Айра Петяна это ничуть не смутило.

– Мы начинаем наш праздник! – верещал он, скача по сцене обезумевшим кенгуру. – Сегодня мы собрались для того чтобы...

Дальнейший треп, перемежаемый время от времени вскриками «Йо!» не заслуживал того, чтобы в него вслушиваться. Репертуар Айра Петяна не менялся уже много лет.

– Если это будет продолжаться более пяти минут, то я убью его! – прошептал Нил на ухо Арсу.

Шнор понимающе хмыкнул.

Глава 4

– Должен сказать паруслов декан мэтр Тугодум! – возгласил Айра Петян, после чего отвесил нечто, долженствующее изображать изящный поклон и отступил в сторону.

Декан факультета магии нечеловеческих существ, до сего момента совершенно незаметный среди царящего в «Трех поросятах» хаоса, осторожно, точно ступая по усыпанному коровыми лепешками полю, выбрался на сцену. На лице его читалось отвращение. Подобную физиономию можно увидеть у защитника животных, попавшего на бойню.

– Мои молодые друзья, – проговорил мэтр Тугодум, постаравшись доброжелательно улыбнуться. Перекосившая желчное лицо декана гримаса подошла бы скорее гроблину, чем человеку. – Сегодня для вас знаменательный день...

Обкатанные десятками повторений, обрядные явившемуся сюда по жребии декану (каждый год главы факультетов разыгрывали, кому выполнять мерзкую обязанность, сопряженную с недосыпанием и посещением места неприятного, порочного и вредного для здоровья) скользили мимо ушей, не трогая ни сердца, ни ума.

Арс почувствовал, что засыпает. Еще не так давно готовый клясть Айру Петяна за его болтовню, он обрадовался бы ему сейчас больше, чем сирота – нежданно обнаружившимся родителям.

Отвернувшись от сцены, Арс принялся разглядывать зал, надеясь высмотреть среди толпы девчачьи мордашки попривлекательнее.

Тут-то все и случилось. Неярко сверкнуло что-то под потолком, словно один из свисающих поросячьих хвостиков вдруг вообразил себя молнией, неожиданно сильное движение воздуха взъерошило собравшимся волосы.

И у весельчака в черной мантии, имя которого Топыряк узнал всего с полчаса назад, отвалилась голова.

Арс видел все в ужасающих подробностях. Поперек горла Верека Сатиса появилась красная полоса. Она резко, скачком, расширилась, и алым фонтаном ударила кровь.

Голова с застывшей на лице удивленной ухмылкой чудовищным мячом откатилась в сторону. Безголовое тело, постояв несколько мгновений, упало ничком, и только после этого по ушам ударил слитный женский визг.

Магический светильник под потолком, не выдержав звукового напора, озадаченно мигнул, и вдруг засиял во всю мощь, грозя исчерпать заложенную в него энергию за несколько часов.

Толпа мгновение помедлила, а потом с истошными криками бросилась к выходу. Хозяин заведения испуганно забился под стойку, музыканты, ухватившие инструменты, неведомо как оказались впереди всех.

Два фея, добрый и злой, пыхтя и надрываясь, тащили бочонок с пивом. Исследователь, занимающийся этой разумной расой, просто сошел бы ума от счастья, наблюдая за этой сценой. А потом бы описал ее в научной работе «Клептомания среди фей: концепция и выводы».

Но увы, исследователи мирно спали в собственных постелях.

Единственный, кто двигался в обратном направлении, оказался эльф-вышибала Араэль. Как он сумел пробиться сквозь сплошной поток разумных существ, оставалось загадкой.

Но не зря по всему Лоскутному миру ходят слухи о ловкости эльфов.

Ворвавшись в зал, Араэль огляделся. Кулаки эльфа были сжаты. Он был готов бить, крушить и вышибать. Но делать это, к его немалому разочарованию, оказалось не с кем.

Кроме тела на полу в берлоге остались лишь зарывающийся в пол (судя по звукам) хозяин, застывший с полуоткрытым ртом на сцене декан Тугодум, за которым прятался молчаливый, и от этого не похожий на себя Айра Петян, да Арс с приятелями у стойки.

Причины того, почему они не удрали вместе со всеми, были непонятны даже им самим.

– Что тут случилось? – в голосе Араэля звенел металл, а в синих глазах, обращенных на студентов, гнев боролся с удивлением. – Кто это его?

– Если бы мы знали, – оживая, пробормотал мэтр Тугодум, – а вот молодым людям это видеть вовсе ни к чему...

Верхушка деканского посоха сверкнула, и Арс ощутил, что его окутывает мягкая сонливость. Глаза начали закрываться, и последнее, что он слышал, была фраза, обращенная эльфом к хозяину заведения:

– Да, Майк, – голос Араэля звучал спокойно и даже отстраненно, – не самый удачный вечер для бизнеса... Ты не находишь, что нам нужно сменить название, на «Отрубленную голову», например?

– Э, хмм... – лицо лейтенанта Лахова, обычно выражающее восхищение собственной персоной и презрение ко всему, что эту персону окружает, в настоящий момент выглядело смущенным. Выражение это было для лица явно новым, и поэтому оно постоянно морщилось, напоминая болтающееся на ветру полотенце. – Перед нами стоит определенная проблема...

– Еще бы не стоит! – ректор Магического Университета Глав Рыбс, в кабинете которого проходила беседа, возмущенно фыркнул. – Нашего студента обезглавили посреди толпы!

– Давайте уточним, – хмуро заметил Лахов, почесывая подбородок и страстно мечтая об обычной работе городского стражника: битье морд, взимании мзды с лавочников и прочем, без чего общественный порядок мгновенно рухнет, – нет никаких доказательств, что это было именно обезглавливание!

– Как же! – сидящий тут же мэтр Тугодум едва не подавился от бушевающего его возмущения. – Я собственными глазами видел, как у бедного юноши отвалилась голова!

– Вот именно! – с нажимом произнес лейтенант. – Отвалилась!

– Не очень я вас понимаю, – холодно проговорил Глав Рыбс, сверля стража закона подозрительным взглядом. Голос его дребезжал сильнее обычного.

– Сейчас объясню, – Лахов вздохнул, про себя кляня «этих штатских», которых сколько не учи, все одно строем ходить не заставишь. – Произошедшее событие и на самом деле похоже на убийство! Университет, как пострадавшая сторона, имеет полное право заявить о нем в городскую стражу. Но лучше бы ему этого не делать...

– Это еще почему? – в один голос спросили ректор и декан.

– А потому, что мы еще не раскрыли тот случай на грядке! А если на нас повесить и это странное убийство, то завтра я уже буду патрулировать Дыры в чине капрала! – в голосе лейтенанта звучала редкая для Торопливых искренность. И немудрено – он от всего сердца опасался за собственную зад... карьеру. – И вам помочь ничем не смогу!

– А в каком случае вы помочь сможете? – Глав Рыбс выглядел, точно изумленная вобла. Изоощренный ум ректора, знающего больше, чем все Торопливые вместе взятые, с трудом поспевал за извивами хитрого стражнического умишки.

– Если никакого убийства не будет, – покачал головой Лахов. По шлему его весело заскакали проникшие сквозь щель в портьерах солнечные зайчики. – Если все будет представлено... ну, как несчастный случай! Тогда у меня не будет неприятностей с начальством, и мы будем заниматься этим делом, но НЕОФИЦИАЛЬНО!

На последнем слове лейтенант пугливо понизил голос, так что собеседники с трудом его расслышали.

– Несчастный случай? – засомневался Тугодум. – Это каким же образом?

– Ну, – Лахов неопределенно покрутил руками в воздухе, – вы же знаете, как они там трясутся, в этих ночных берлогах? Вот от размахивания головой она у него и отвалилась...

– И кто в это поверит? – Глав Рыбс выразительно почесал нос.

– Все, – с полной убежденностью сказал лейтенант. – Чем глупее новость, тем люди охотнее ей доверяют...

– Ладно, – ректор и декан переглянулись. – Так и быть. Идите... До выхода вас проводят. Памятуя о печальной судьбе сослуживца, без проводника Торопливые в здание МУ входившие отказывались.

– Э, еще один вопрос, – проговорил лейтенант, – сержант Ргов...

– Это кто? – нахмурился Глав Рыбс.

– Он до сих пор не нашелся, – вздохнул Лахов. – Бродит где-то на вашей территории. Нам бы хотелось, чтобы он вернулся и приступил к выполнению своих обязанностей...

– Хм, да? – ректор посмотрел на мэтра Тугодума. Тот в ответ неопределенно пожал плечами. Про слоняющегося по МУ стражника они уже успели забыть. По сравнению с потерянным триста лет назад где-то в подвалах караваном верблюдов один человек мало чего значил. – Ну, мы приложим все усилия... Обязательно!

Удовлетворенный лейтенант откланялся. Когда за ним закрылась дверь, Глав Рыбс повернулся к Тугодуму.

– Мне все это не нравится! – почти прошипел он. – Не верю я в то, что эти тупые стражники что-то узнают! Там точно не было никакой магии?

– Ваша милость! – декан изобразил оскорбление. – Я бы почуял любое заклинание, будь оно сотворено кем угодно, за сотню метров! Или вы не доверяете мне?

– Почему? – ректор мерзко улыбнулся, напомним приготовленную ко Дню Всех Богов тыкву с вырезанной кровожадной ухмылкой. – Вот только есть такая хорошая пословица: доверяй, но проверяй... Если уж ты ничего не ощутил... Сегодня же вечером я желаю говорить с богами! Известить остальных деканов и пусть главный пограничник будет готов!

Слова о том, что это вовсе не его дело, застряли у мэтра Тугодума в горле. По всем признакам, Глав Рыбс гневался, а с разозленным начальством спорят только те, кто уже подал заявление об увольнении.

– Будет сделано, ваша милость, – только и смог пискнуть декан.

Ритуал для обращения к богу мудрости Турнепсу профессор кафедры пограничной магии Крупица решил провести на крыше университета. И вовсе не по причине того, что отсюда в хорошую погоду можно далеко на западе разглядеть Влимп, обиталище небожителей.

Просто теологическая магия требует больших ровных площадок. А где их еще найдешь? Не в спортзале же с богами общаться?

Когда ректор в сопровождении изрядно запыхавшихся деканов (взбираться пришлось по длинной и крутой лестнице) поднялся к месту действия, профессор и его помощники как раз закончили ползать по крыше. Результатом их усилий, кроме протертых на коленках мантий, стала громадная сложная фигура, похожая на запутавшуюся в паутине муху с двумя десятками крылышек. Она удивленно тужилась, пытаясь разглядеть водруженный в самый центр собственной спины прямоугольный алтарь.

На него установили изготовленную из белого мрамора статую бога – лысого толстого старика, завернутого во что-то, напоминающее длинное полотенце. Рука Турнепса благосклонно простиралась в сторону людей.

– Все готово? – поинтересовался Глав Рыбс сварливо.

– Да, ваша милость, – поспешно ответил профессор, – накопители и распределители магической энергии расставлены, так что можем начинать.

– Что-то тут дует, – проворчал мэтр Шизомудр, который считал, что его привели сюда зря.

– Тихо! – рявкнул ректор. – А не то я велю пересмотреть ритуал так, чтобы в нем появился пункт «человеческое жертвоприношение»!

Деканы испуганно притихли. Повинуясь указаниям Крупицы, они расположились за его спиной. В происходящем действе главы факультетов оказались статистами, и это злило привыкших быть в каждой бочке затычками волшебников.

– А вы уверены, что он именно так выглядит? – любопытствовал Глав Рыбс, глядя на статую лысого старого пузана.

– О, это изображение освящено тысячелетней традицией! – ответил профессор. – Мы нарисовали все триста тридцать семь священных знаков бога, так что вызов будет успешным.

– Ну-ну.

Сам обряд оказался скучным до ломоты в зубах. Заведующий кафедрой пограничной магии и его помощники долго были и бормотали что-то, напоминая группу сбежавших из психушки идиотов, колдовская энергия неторопливо струилась по крыльям нарисованной на крыше МУ мухи. Если бы кто-то посмотрел на нее сверху, то ему показалось бы, что муху корчит и плющит, точно муравья на оживленной дороге.

Ректор с трудом сдерживал зевки. Деканы скушали.

– О, уже получается! – обрадованно сообщил Крупица в тот момент, когда Глав Рыбс почти заснул. – Сейчас явится!

– Кто? – ректор всхрипнул, точно ездовая лошадь, взявшая главный приз на скачках, после чего из всех сил вытарачил слипающиеся глаза. Эффект оказался таким, словно кто-то попытался надуть два очень маленьких рыбьих пузыря.

– Бог! – испуганно прошептал профессор, и вновь принялся выть и бормотать, поддерживая усилия помощников.

Вокруг стоящей на алтаре статуи сформировался едва заметный синеватый ореол, постепенно становящийся все ярче и ярче. Достигнув нужного уровня яркости, он поменял цвет на голубой, затем на зеленый и остановился на ослепительно-желтом. Можно было подумать, что на вечернем небе объявилось еще одно солнце.

Волшебники жмурились и прикрывали глаза руками.

– Эх, надо было прихватить шапку с козырьком, – посетовал шепотом кто-то из деканов. – Или стекло накоптить...

В сиянии стало видно, что статуя зашевелилась. С ее поверхности словно смывало белую краску, кожа стала розовой, обмотанное поверх тела полотенце – противного болотного цвета. Открылись глаза, оказавшиеся пронзительно голубыми, точно две дыры в полуденное небо.

Сияние постепенно угасало, будто втягивалось в воздвигшуюся на алтаре фигуру бога.

– О Великий! – заголосил Крупица, старательно морща и без того сморщенную физиономию. – О Хранитель Сосудов Мудрости! О Награждающий Дарами Разума! О Ведающий Смыслом Всего! О Повелитель Восьмидесяти Восьми Ветров Понимания! О...

– Хватит-хватит! – довольно раздраженно заявил Турнепс, и маги изумленно притихли. – Пусть жрецы мне льстят, они хоть за это деньги получают...

В руке Турнепса возникло небольшое зеркало на длинной ручке, и бог принялся пристально в него смотреться, напоминая при этом модницу, перед походом на рынок покрывающую лицо толстым слоем «штукатурки».

Глав Рыбс ощутил некоторое неудобство. Все же он затеял обряд вызова бога, и просто поглазеть на обитателя Влимпа было явно недостаточно. Взгляды подчиненных опаляли спину и прожигали в ней небольшие отверстия.

И ректор решил действовать.

– Э... господин Турнепс, – сказал он тоном, каким обычно разговаривал с теми, кого считал равным себе. Таковых насчитывалось немного, поэтому приходилось смешивать стили, приспособленные для вышестоящих и нижестоящих. Презрение в результате причудливо переплеталось с заискиванием, – мы позволили себе побеспокоить вашу особу не только из удовольствия лицезреть вас...

– Молчать! – шипяще ответил бог, и отброшенное им зеркало исчезло за краем крыши. Глаза на необычно гладком лице полыхнули. – Да как вы посмели, черви?

Маги замерли, напоминая стаю волков, которые вдруг повстречали рычащего и кусающегося барана.

Надо сказать, им сильно не повезло. Много тысяч лет Турнепс, согласно должности Бога Мудрости, предавался многоумным размышлениям, лишь изредка отвлекаясь, чтобы откликнуться на призыв того или иного человечешки, молящего о просветлении.

Надо же иногда напоминать смертным о своем существовании.

Вдоволь налюбовавшись на корчи новорожденного мудреца, он возвращался к тихой, спокойной жизни. Все шло хорошо, пока некий недоброжелатель (поговаривают, что сделал это шут богов Шпулер) рассказал Турнепсу, как изображают его обитатели Лоскутного мира.

Толстым лысым стариком.

Впервые за сотни тысяч лет жизни Турнепс почувствовал себя обиженным. Других, знает, молодыми и красивыми, а его – плохим подобием старого борова? Посетив инкогнито несколько посвященных ему храмов, он уверился, что ему не соврали, и впал в страшную обиду на людей.

А помощи от оскорбленного божества ждать так же глупо, как от рыбы – песен.

– Э... я не очень уверен, что... – проговорил Глав Рыбс, вдруг с испугом понимая, что находящемуся перед ним существу вся его магия способна причинить столько же вреда, сколько чих – горному хребту.

– Молчи! – вновь взревел Турнепс, точно решил присвоить титул Бога Грозы. В ответ на его рык на закате полыхнула зарница. – Вы вызвали меня, надеясь получить помощь! Вот уж нет! Существа, оскорбившие меня так, достойны только этого!

И, развернувшись, он бесстыдно задрал полу своего одеяния и показал магам блестящий, точно отполированный зад.

И тут же жизнь начала уходить из статуи, плоть стремительно превращалась в мрамор, одеяние теряло цвет, становясь белым. Одно только осталось неизменным – недвусмысленная поза, в которой застыло божество.

– Хм, да, – осторожно проговорил ректор, – мне отчего-то кажется, что наш вызов закончился неудачей...

Деканы за его спиной ехидно шушукались.

Статую, которая осталась видимым позором всему начальству МУ, решили уничтожить. Но резцы соскакивали с ее поверхности, не оставляя даже царапин, пламя шипело, будучи не в силах породить на том, что более не было мрамором, даже малейшую трещинку, сильнеешие заклинания пропадали втуне.

Задумали было спрятать ее в бездонных подземельях университета, но преподавателю, которому поручили это дело, в голову пришла куда лучшая идея. После ее реализации в Музее Красивостей города Ква-Ква появился экспонат, озаглавленный «Аллегория Бога Мудрости Турнепса, открывающего обратную сторону знаний».

А о неудачном ритуале ректор запретил рассказывать под страхом увольнения.

– Эй, Арс, привет! Ты слышал? – на соседнюю лавку плюхнулся Нил. Лицо его возбужденно сияло, а в глазах плясали смешинки.

– Нет, – ответил Арс. – А о чем?

До начала лекции, посвященной основам современного и древнего написания и прочтения рун, оставалось время, и можно было потратить его на развитие в диспуте остроты ума.

Пропусту говоря – на болтовню.

– Слышал я, что все дело в невидимом убийце! – понизив голос, загадочно просипел Прыгскокк. – Это он всех убивает! Подкрадывается сзади и ррраззз!

– Да? – удивился Арс. – И кто тебе это сказал?

– Не помню, – на лице Нила отразилось искреннее удивление. – Да какая разница. Ведь похоже, да? Невидимый убийца с невидимым ножом. Это он убил Верека Сатис, да и того парня на грядке...

– И золота под кровать тоже он насыпал?

– А золото тут причем? – выпучил глаза Нил.

– Да не причем, – впервые Арс подумал, что цепь событий, включающих в себя странные убийства и не менее странные события, соединяют воедино только его догадки, и что другим эта взаимосвязь может быть совершенно незаметна.

– А вы слышали! – вскрикнул ворвавшийся в аудиторию весенним ураганом Шнор. – Такое было, такое!

– Не ори ты, – буркнул кто-то задних рядов. – Толком говори.

– Вот я и говорю! – обиделся Орин. – На факультете умозрительной магии есть один преподаватель, прозвище у него – Бульдог.

– Это еще почему?

– Уж если попадешь к нему в зубы, то живым не вырвешься! – сообщил рассказчик. – Всегда он любил издеваться над нашим братом! Так вот вчера ему самому досталось!

– Что, что с ним стало? – Фома Катина, волосы которой сегодня сияли молодой зеленью, прямо задыхалась от нетерпения. Под ее мантией что-то соблазнительно колыхалось.

– На лекции, – Орин выдержал паузу, грозя довести слушателей до белого каления, – из воздуха явилась обнаженная дама...

– Что? – изумился Арс.

– Голая баба, – доступно пояснил Прыгскокк.

– И совершила над Бульдогом форменное насилие в грубой и извращенной форме! – торжественно заявил Шнор. – После чего исчезла в неизвестном направлении! И никаких следов магии...

– Как это – в неизвестном? – наморщил тот крошечный лоскуток кожи, что у него назывался лбом, двоечник Рыггантропов, переходящий с курса на курс исключительно благодаря упорному посещению пересдач. – Это что, по коридорам университета тетка без одежды бежит?

– Да, – иронично сказал вошедший в аудиторию преподаватель, которого увлеченные студенты не заметили, – кто о чем, а Рыггантропов – о женщинах. Лучше бы об учебе думал!

– А чего о ней думать, – вполголоса пробормотал двоечник. – Учеба – она не баба, за ней бегать не надо...

Преподаватель занял место на кафедре, и студенты, грустно шушукаясь, принялись раскрывать тетради. Время разговоров о падающих с неба обнаженных девах закончилось.

После завершения лекций Арс направился в библиотеку – сдать книги. Пришлось преодолеть пару коридоров, которых в этой части здания ранее не было, прежде чем ноги привели его к знакомому спуску к черной двери библиотеки.

И тут, у лестницы, он наткнулся на знакомое лицо. Лицо это было заросшим, как заброшенный луг, только вместо сорняков на нем имелась щетина, и выглядело совершенно безумным. Исключительно по болтающемуся на поясе мечу и шлему на голове можно было определить, что этот человек некогда являлся Торопливым.

– В результате оперативно-розыскных мероприятий были задержаны пятеро подозреваемых, – бормотал он себе под нос всякую ерунду, неторопливо перемещаясь вдоль стены. – Ой, в огороде бузина, а в Китеже – дядька...

Арс сочувственно вздохнул. Территория университета охранялась столь строго не только по той причине, что маги тщательно оберегали свои тайны. Таблички с надписью «Посторон-

ним в в...» висели над всеми дверями еще и потому, что скопившаяся за тысячелетия в стенах МУ магическая энергия представляла опасность для любого разумного существа, способностей к волшебству не имеющего.

Что собственно означала вторая «в», и куда именно полагалось пойти посторонним – это служило предметом постоянных дискуссий среди студентов, но суть от этого не менялась.

Обычный индивидуум, попавший в МУ на срок, превышающий несколько часов, серьезно рисковал мозгами. Тем же, у кого серое вещество оказывалось снабжено парой извилин, отвечающих за волшебство, эта опасность не грозила. Их рассудок был словно заземлен.

– Бей-беги! – вдруг заявил сходящий с ума стражник, с шага перешел в резвый галоп и исчез за поворотом.

Арс же продолжил свой путь.

В библиотеке как обычно было полутемно и тихо.

– Злобное утро, – сказал Мешок Пыль, возникая из полутьмы с видом вампира, собирающегося подзакусить человечинкой.

– Злобное, – пробормотал в ответ Арс. – Вот, книги пришел сдавать...

– Ага, пойдем, – и библиотекарь бесшумно, словно хорошо обученное привидение, заскользил впереди. Под его мешковатой черной одеждой что-то подозрительно пошевеливалось.

– Ты знаешь, никто из наших преподавателей не смог мне помочь, – сообщил Топыряк, когда они достигли нужного стеллажа и принялись распахивать книги по местам. Сломанная лестница, похоже, успела отрастить новую ногу. – Ну, с той надписью пророческой... ты помнишь?

– Помню, – отозвался гроблин. Балансируя на самой последней перекладине, он впихивал на место толстенный том. Судя по возмущенному шороху, соседние книги тесниться не хотели. – Не смогли? И почему?

Что-то треснуло, хрюкнуло, и книга оказалась в одном ряду с собратьями.

– Мне показалось, что они не разбираются в пророчествах, – пожал плечами Арс. – Или очень здорово скрывают собственные знания...

– Кто будет скрывать знания? – кривая, чуть презрительная усмешка библиотекаря получилась очень похожей на человеческую. – Особенно преподаватель! Он по определению должен ими гордиться... Хотя я знаю, кто сможет тебе помочь...

– И кто же?

– Его зовут Ностер Предсказамус, – ответил Мешок Пыль. – Долгие годы он был профессором на кафедре пограничной магии, пока его не спровадили оттуда якобы на заслуженный отдых.

– Якобы? – удивился Арс.

– Он бы мог работать еще долгие годы, – проговорил Мешок Пыль, – но уж слишком был несдержан на язык. Мог брякнуть ректору в лицо всю правду. За это и пострадал.

– Как мне найти этого Нострадамуса?

– Предсказамуса, – невозмутимо поправил гроблин. – Он живет на улице Бронзовых Ножниц.

– Это же в Норах! – возмутился Арс. Норы располагались на окраине, и были самыми настоящими трущобами, местом более опасным, чем яма с тиграми. Представить себе обитающего там преподавателя МУ, пусть даже бывшего, было так же сложно, как слона – перелезающего от цветка к цветку и собирающего пыльцу.

– Почти, – покачал головой библиотекарь, – на самой их границе. Ностер всегда отличался экстравагантностью, и даже поселился там, где его знают не иначе как Безумного Волшебника. А на прощание он сказал: «Меня уже тошнит от вашей благовоспитанности». Ректор потом долго оттирал с мантии его плевков...

– Ну надо же! – восхитился Арс. Книги были расставлены по местам, и он вслед за гробином двигался к выходу из библиотеки. – Спасибо, Мешок. Ты мне здорово помог.

– Не за что, – ответил библиотекарь, не поворачивая головы. – В следующий раз, когда зайдешь, принеси бедрышко девственницы. Можно не прожаренное, с кровью...

И подземелья библиотеки огласил смех на два голоса. Причем один из них звучал столь зловеще, с драматическим пришепетыванием, что можно было подумать, что смеется главный злодей из низкобюджетного фильма ужасов.

Ква-Ква устроен примерно так же, как должен быть устроен любой разумно устроенный город, за исключением, естественно, размеров. В центре, на острове, омываемом рекой, расположился дворец мэра и жилища самых богатых горожан. Кольцо обветшалых стен охватывает то, что называлось Ква-Ква многие тысячи лет тому назад, а ныне является престижным районом. Дальше – мешанина улиц и переулков, а ближе к окраинам – та часть города, о которой его отцы предпочитают обычно умалчивать. Именно там, в трущобах, бешено кипит жизнь, а исходящая оттуда вонь придает особенную пикантность городской атмосфере.

Таких районов в Ква-Ква два – Норы и Дыры. Их обитатели, если им приходится сталкиваться, тут же начинают резать друг друга с энтузиазмом людей, искренне ненавидящих ближнего своего. По счастью, случается это нечасто – Норы и Дыры располагаются на разных концах города.

Один из предыдущих мэров, Нико Хрущ, предпринял грандиозную затею по их очистке и перестройке. Результатом стало лишь то, что трущобы начали звать хрущобами, а к Нико приклеилось насмешливо-уважительное прозвище «Крутой перец», которому нынешний мэр ужасно завидовал.

Арсу, чтобы добраться до улицы Бронзовых Ножниц, предстояло пересечь часть города, расположенную на правом берегу реки. Путь предстоял неблизкий, и Топыряк, наплевав на занятия по клиническому магоанализу, отправился в дорогу с самого утра.

Над городскими улицами, нежно подсвеченный лучами восходящего светила, слегка клубился утренний смог. Пахло подгоревшим завтраком и протухшим ужином, из домов доносились сонные завывания просыпающихся кваквакцев.

Чем дальше шел Арс, тем чище и ровнее становились улицы. Мусор уже не лежал грудами, как в студенческих кварталах, а скромно возвышался аккуратными кучками, колдобины и канавы стали чуть менее глубокими, даже крысы выглядели причесанными и выбритыми. Столкнувшись с человеком глазами, они не скалились нагло, как на окраине, а скромно опускали взгляд.

К полудню Арс добрался до площади Изопилия. Все ее пространство, на котором убралось бы пять стадионов, занимал рынок, а в центре громадным фаллосом возвышался памятник Нико Хрущу, выполненный в виде исполинского початка кукурузы.

Ничего пошлого тут в виду не имелось. Просто Хрущ происходил из семьи фермеров, и страсть к сельскому хозяйству сохранил, даже став главой громадного города. Около дворца мэра он разбил грядки и принимал посетителей, возясь с кукурузой или горохом.

Рынок славился тем, что на нем было можно купить все, что угодно, от сгнившего еще полгода назад батона колбасы из верблюжьего мяса до непонятной металлической болванки с надписью «боеголовка ядерная».

– Походи, налетай! – заорал, завидев Арса, толстый, как кошелек скопидома, гном, едва студент оказался в пределах его видимости. – Для волшебников – скидка!

– Чем ты хоть торгуешь? – полюбопытствовал Топыряк, рассматривая совершенно пустой прилавок. Денег у него все одно не было, так что проявлять интерес можно было совершенно спокойно.

– Мой товар самый лучший! – гном подмигнул и ловко извлек из-под прилавка наглухо запечатанную бутылку. – Воздух с горных вершин! Чистый, бодрый! Есть еще морской, лесной, луговой!

– А зачем он нужен?

– Как зачем? – продавец аж поперхнулся от возмущения. – То, чем дышат в этом городе, даже воздухом нельзя назвать!

Спорить с этим было сложно. То, что висело над Ква-Ква плотным облаком, давно вынудило воздух в испуге бежать в поисках более уютных местечек. Непривычные люди, первый раз попав сюда, падали в обморок.

Нельзя даже было сказать, что атмосфера Ква-Ква обладала каким-то неприятным запахом. Она обладала вкусом. Существовали особо одаренные индивидуумы, которые, попробовав воздух на вкус, могли определить местонахождение с точностью до отрезка улицы.

– И почему? – спросил Арс.

– Дешево отдаю! – развел ручищами гном. – По два бубля за бутылку – горный, по одному – все остальное!

Деньги Ква-Ква получили название из-за формы. Круглые и с дыркой в середине, они напоминали маленькие, стершиеся до плоского состояния баранки. Отливали их из редкого деревянного металла (или металлического дерева), произрастающего в расположенном на лево-восток от Ква-Ква Лоскуте Красная пустошь.

– Ну и цены, – поразился Арс, и тут же ощутил, как чья-то ловкая и гибкая рука легким движением извлекла из кармана мантии кошелек.

Топыряк хмыкнул и принялся с интересом ждать развития событий. Только очень смелый или очень глупый вор мог покуситься на деньги мага, пусть даже этот маг – всего лишь студент.

Ждать пришлось недолго.

– Ай! – завопил кто-то за спиной тонким голосом. – Ой! Кусается! Заберите его от меня!

Заклинание на кошелек Арс накладывал сам, так что хорошо представлял, что испытывает незадачливый тать.

– Что, больно? – спросил студент, поворачиваясь.

Ему никто не ответил. Юноша, тощий, словно всю жизнь питался только воздухом, лежал, спиной промокая вонючую лужу. Глаза его были выпучены, а кошель – намертво зажат в руке.

– Нет, нет... – хрипел юноша, другой рукой пытаясь скинуть что-то невидимое с груди. Вокруг собирался народ, радуясь бесплатному зрелищу.

Паука, фантом которого терзал сейчас вора, Арс увидел в книге, рассказывающей о ядовитых обитателях Лоскутного мира. Паук выглядел страшнее, чем все преподаватели, вместе взятые, так что ворюге можно было только посочувствовать.

– Красть нехорошо! – сказал Арс наставительно, после чего нагнулся и вытащил кошелек из руки юноши. Тот перестал хрипеть, но в темных глазах все еще плясал страх. – Особенно у того, у кого ничего нет!

Он потряс кошельком, в нем жалобно зазвенели несколько мелких монеток. Не обращая больше внимания на вора, Топыряк зашагал дальше. Проталкиваясь через толпы покупателей и продавцов, он мужественно сопротивлялся искушению что-нибудь купить или просто посмотреть.

В самом центре рынка, у памятника Нико Хрущу, расположился агитационный пункт городского налогового управления. Над ним трепетал на ветру транспарант: «Налоговый инспектор – друг человека!», а стоящий около пункта нанятый бард исполнял песню:

– Он не лает, не кусается! На прохожих не бросается! – похоже, речь шла как раз о том самом налоговом инспекторе.

Пойти на подобные меры работы с населением городские власти заставила крайняя нужда. Деньги собирать было надо, а налоговые инспекторы почему-то не пользовались популярностью. Смертность у представителей этой профессии была выше, чем у больных туберкулезом и пьяных трубочистов.

Мэр отдал приказ о популяризации профессии, который выполнялся по мере сил и выделенных средств.

На самом пункте висел еще один плакат, поменьше, с грандиозных размеров ножом, капающая с которого кровь составляла надпись: «Заплати налоги и спи спокойно».

Что популяризаторы хотели этим сказать, оставалось только гадать.

Пройдя рынок, Арс углубился в квартал, почти целиком занятый храмами и жилищами жрецов. От разноцветных курений, которые жирными струями вытекали из распахнутых дверей святилищ, чесалось в носу и хотелось чихать.

Нищие и убогие, самые талантливые из которых были покрыты язвами так густо, что не было видно кожи, заунывным хором вымаливали подаяние, концентрируясь в основном около храмов миролюбивых божеств.

Запах денег профессиональные побирушки чувствовали за версту. На Арса никто не обратил внимания – что взять со студента? Но любого другого ждал бы горячий прием. Нищие облепляли попавшего в оборот купца или ремесленника, словно мухи – кусок падали, и отделаться от них было не проще, чем от дурной репутации.

Здесь, в преддверии небесного милосердия, царили суровые законы джунглей. Арс видел, как покусившийся на чужой грош безногий бросился бежать с удивительной скоростью. Но пострадавший слепой метким броском камня свалил беглеца наземь. На звон упавшей монетки оглянувшись глухой. Схватив ее, он скрылся за углом. Немой, который опоздал чуть-чуть, разразился такими проклятиями, что услышь их боги, то уши у них свернулись бы в трубочку.

Храмы вместе с их паршивой свитой остались позади, и еще через час ходьбы Арс понял, что Норы близко. На окнах появились железные решетки, заборы стали глухими, а двери – тяжелыми и прочными. На некоторые пошло столько дерева и железа, сколько обычно идет на крепостные ворота.

Судя по названию, на улице Бронзовых Ножниц некогда обитали городские цирюльники, но сейчас знак этой почтенной профессии висел только у некоторых домов. Все прочее занимали питейные заведения самого пошлого пошиба. В сточных канавах лежали любители крепких напитков, из окон подвалов тек кислый пивной аромат.

– Ничего себе! – удивился Арс. – И он тут живет?

Спросить дорогу оказалось не у кого, заходить в кабаки Арсу не хотелось, а улица выглядела пустынной. И он просто шел, оглядываясь по сторонам и надеясь на чудо в виде трезвого и благожелательного прохожего.

Чуда не произошло, но нужный дом нашелся быстро. Сияющий чистотой особняк выделялся на фоне остальных, словно ворона, обсыпанная мукой. Заборчик вокруг него преградил бы дорогу разве что немощной черепахе, а окна зияли отсутствием решеток.

Едва Арс прикоснулся к калитке, как его окликнули.

– Не ходи туда, – сказал из-за спины сварливый старушечий голос.

– Это еще почему? – Арс обернулся. Из окна на втором этаже на него смотрела надевшая легкомысленный розовый чепчик молодая дама лет восьмидесяти. На лице ее застыла безразлично-любопытная гримаса.

– Там же живет Безумный Волшебник! – сказала она с таким ужасом, словно речь шла как минимум о великане-людоеде.

– А мне к нему и надо! – ответил Арс, отворачиваясь и берясь за ручку калитки.

– А с виду такой приличный молодой человек! – сурово произнесла дама. – И не говори потом, что я тебя не предупреждала.

Полный самых страшных предчувствий, Арс открыл калитку и зашагал по дорожке, выложенной шестиугольными плитками из белого и синего мрамора. По сторонам от нее росли роскошные розовые кусты, от цветов исходил тяжелый дурманящий аромат.

Несмотря на предупреждения, пока все было мирно. Даже злой собаки, которой уже надо было мчаться к пришельцу, кляца челюстями и пуская обильную слюну, не наблюдалось. Арс постучал в дверь и еще успел ощутить какое-то движение над собой.

Потом что-то со страшной силой ударило по макушке, и мир, со звоном разбившись на сотни разноцветных осколков, исчез.

Глава 5

Очнулся Арс оттого, что лица коснулось нечто мокрое. От малейшего движения по голове пробегали волны боли, но, приложив невероятные усилия, он все же смог поднять веки.

Над ним склонилось встревоженное морщинистое лицо, украшенное длинной седой бородой и свисающими с макушки седыми же космами. При виде ожившего студента в горящих яростным пламенем глазах появилось облегчение.

– Пучина радости извергла море пробуждения, – туманно, но оптимистично изрек дед. – Несчастных случаев нетронутую вязь оспорить не дано и мудрецу...

– Чего? – Арс так удивился, что мгновенно забыл про головную боль.

Только после этого удалось осознать собственное местонахождение. Арс лежал на широкой скамье в довольно большой светлой комнате. Стены сплошь занимали полки, на которых в художественном беспорядке разлеглись свитки, книги, обрывки пергамента. В центре помещения хозяйски расположился громадный письменный стол, сделанный из хорошего дуба.

– Э... – дед явно смутился. – Удар, нанесший траурный урон, случайным получился, без причины... Пусть разум верх возьмет и приговор избегнет пропасти отравленной кончины!

– Мэтр Предсказамус? – поинтересовался Топыряк, потихоньку начиная понимать, что происходит. Старикан пытался извиниться за тот удар, который отправил гостя в беспамятство.

– Сие есмь я! – дед приосанился. Одет он был в мантию, подобную тем, что носят в университете, но только без всяких знаков отличия.

– Ничего страшного, – поспешно соврал Арс, нащупывая на макушке здоровенную шишку, похожую на еловую шишку. – Мне даже и не было особенно больно...

Судя по силе удара, престарелый специалист по предсказаниям вряд ли нанес его сам. Тут сработало устройство или, скорее, заклинание, направленное на устрашение незваных гостей.

Понятно, почему у дома нет нормального забора, даже решеток на окнах. Безумный Волшебник и без них найдет, чем себя защитить.

А увидев на потерявшем сознание человеке знакомое университетское одеяние, хозяин дома на улице Бронзовых Ножниц понял, что на этот раз немножечко погорячился.

– О чудо мира! – услышав, что Арс не собирается тут же погибать в страшных муках, Ностер Предсказамус просиял весенним солнышком. – Громов и молний яростные стоны развеи ты в прах объятьем непогоды, и чрево в этот миг пустого понимания водою слов разумных ороси!

В голове у Арса словно что-то щелкнуло, и высказанная бывшим заведующим кафедрой мусть оформилась в простые и понятные слова: «Скажи мне, кто ты такой и чего тебе здесь нужно?»

– Я шел-то собственно к вам, – проговорил Арс, от волнения облизывая губы. До сего момента он как-то не думал, каким именно образом обратится с просьбой к старому волшебнику. – У меня... это... ну... один вопрос небольшой имеется... по предсказаниям...

– Небесна синь разверзлась высоко! – горделиво покачал головой Предсказамус. – О предсказаниях знает тот все, кто в серебро волос давно обряжен!

Судя по всему, в бытность преподавателем Ностер Предсказамус имел дело в основном с пророчествами, написанными путанным и нудным языком. В результате он сам разучился разговаривать нормально, полностью перейдя на цветастую речь, достойную любого, даже самого многомудрого пророка.

– Вот, – проговорил Топыряк, извлекая из кармана листок и передавая его хозяину дома. – Тут у нас в университете происходят разные странные случаи, и я думаю, что в этом пророчестве речь идет именно о них...

Глаза бывшего преподавателя вспыхнули, он впился взглядом в стихотворные строки, точно коршун когтями в неосторожную курицу.

– Рожденный руками кипящей башки! – хмыкнул он, перейдя на нормальный голос. – Надо же! Здорово! Интересно!

Столкнувшись с мутятиной, порожденной чужим разумом, Предсказамус заговорил почти по-человечески.

– Пойдем к столу, – сказал он, направляясь к креслу с высокой спинкой. – Мне надо кое-чего сделать.

Ощущая, как гудит голова, Арс спустил с лавки ноги. Встать стоило некоторого труда, перед глазами все плыло и покачивалось. Когда пострадавший студент утвердился на нижних конечностях, хозяин дома уже сидел за столом и задумчиво позвякивал какими-то бутылочками.

– Сейчас проверку проведем простую! – сообщил он, не поворачивая головы. – Поймаем время и оценим его силу!

Арс подошел поближе.

Руки старого мага, несмотря на узловатые суставы и набухшие вены, оказались на удивление ловкими и подвижными. Действуя, точно заправский алхимик, он смешал в колбе несколько разных составов. Получившаяся серо-буро-малиновая жидкость зашипела, запенилась и решительно полезла вверх, явно вознамерившись показать всем, чего она стоит.

Предсказамус ухватил принесенный Арсом листок и накрыл им взбунтовавшуюся колбу, словно пергамент был в силах перекрыть путь кипящей жидкости.

Та резво ползла вверх, пока первые пузырьки не коснулись листа. В месте прикосновения пергамент чуть почернел, и Арс на мгновение испугался, что его находка будет безнадежно испорчена. Но чернота сменилась фиолетовым, который перешел в темно-синий...

Цвета сменяли друг друга не торопясь, с чувством собственного достоинства. Предсказамус следил за процессом, точно хозяйка – за отелом любимой буренки, потирал руки и побрякивал в бороду.

Судя по всему, процедура обещала быть долгой.

Понять, что именно затеял старый маг, у Арса не хватало знаний. Третий курс – слишком невысокая ступень, чтобы пытаться постигнуть действия того, кто дошел до уровня профессора.

Оставалось ждать и глазеть по сторонам.

На столе, который размерами поспорил бы с небольшой комнатой, вольготно расположились кучи самых разных предметов. На раскоряченной треноге покоился хрустальный шар, внутри которого металось крошечное огненное существо. Рядком лежали пластинки гадательного набора У-псин, изготовленные, судя по всему, из зубов демона.

Грудами валялись книги, огромные фолианты топорщили страницы, недружелюбно блестя серебряные детали на обложках гримуаров. Взгляд Арса невольно задержался на корешках.

«Дурьфийский аракул: возникновение и история», «Справочник предсказателя супротив пабивания камнями», «Секс, рок-н-ролл и наркотики как стимуляторы прароческого ваабражения», «Три паросенка и другия истории» – литература подобралась специфическая. К человеку, который читает подобные книги, поневоле проникаешься уважением.

От созерцания Арса отвлек резкий неприятный звук – словно икнула лошадь. Оглядевшись, студент понял, что это всего лишь хозяин изволил обрадованно хмыкнуть. Жидкость в колбе более не кипела, а на листке пергамента осталось пятнышко подозрительно-желтого цвета.

– Ну что? – спросил Арс.

– Безмолвие молчит – оставьте слезы! – возгласил Предсказамус. – Сей лист источник нам немалого соблазну. Пять тысяч лет минуло с той поры, как ссохлись крепко сбитые чернила!

– Пять тысяч лет! – Арс ощутил, как удивление клокочет в нем, подобно кипящей жидкости. – Невероятно!

Пророчество оказалось не новомодной подделкой, а плодом самой настоящей древности. Само по себе это значило немного, но заставляло прислушаться к мудрости «прарока», заглянувшего в будущее через пятьдесят веков.

Предположительно заглянувшего.

– И что оно означает?

– Ответ потерян в недрах темного колодца, – лицо бывшего профессора стало грустным, – искать придется огнем рассуждений, сжигать тома над заревом рассудка, дней десять надо для приготовления...

«Дело сложное, – перевел для себя Арс, – необходимо будет перелопатить множество книг. Приходи дней через десять».

– Хорошо, – сказал он. – Я оставлю это у вас, а потом зайду?

– Слова подобны сладостным алмазам! – возликовал старый маг. – Всех сил не пожалею для разгадки!

– Спасибо, – Арс кивнул и направился к двери. Из-за его спины раздалось торопливое шуршание – Ностер Предсказамус, совершенно забыв про гостя, погрузился в научные изыскания.

Знание пока пряталось от него, точно жертва от хищника. Но от столь искусных и умелых рук ему не суждено было скрыться.

– Ну что, может по маленькой? – понизив голос и приблизив голову к собеседнику, спросил Дука Калис. – Для храбрости...

– Да ты что? – шепотом возмутился Поля Лахов. – Подчиненные же заметят! Дурной пример!

Доблестные Торопливые в сопровождении полудюжины капралов стояли у одного из входов в Магический Университет. Они готовились к важной операции, тщетно пытаясь отыскать в сердцах хотя бы следы храбрости.

Увы, сегодня, похоже, струсил даже она.

– А мы за угол отойдем! – предложил Калис, кося глазом на подчиненных, которые связывали вместе неимоверное количество длинных и тонких бечевки.

– Можно, – кивнул Лахов.

С важным видом, якобы с целью рекогносцировки местности, они отошли за угол. Калис некоторое время шарил под плащом, под которым он мог спрятать все что угодно, включая боевого слона, и извлек на свет небольшую бутылочку темного стекла.

– Это настоящий горский вискас, – сказал он. – После него мы будем храбры, как молодые львы!

Когда они появились из-за угла, то с храбростью еще не все было понятно, но глаза Торопливых довольно блестели, а лица раскраснелись. Цветущие улыбки свидетельствовали о неожиданно бодром расположении духа.

Носы капралов дружно зашевелились, спеша уловить умонастроения начальства.

Умонастроение отдавало чем-то градусов под сорок пять.

– Разве так вяжут? – сказал Калис возмущенно. – Р-разве так вяжут, мамой клянусь!

И выругавшись по-горски так, что провинившийся не понял и десятой части, бравый сержант ринулся помогать. Под аккомпанемент воплей и проклятий сложное дело по скреплению бечевы оказалось закончено.

– Давай, – томно приказал Лахов, почесывая длинный, точно таран, нос.

Конец одного из получившихся тросов был обвязан вокруг его пояса, второй канат достался Калису.

– Ну, – сказал тот, проверяя, как выходит из ножен меч. – Поехали!

– Поехали! – согласился Лахов. – Да помогут нам все боги разом!

Один за другим, сохраняя на лицах отчаянно смелое выражение откровенно трусящих людей, они направились к двери. Грозная надпись «Посторонним в в...» не смогла их остановить.

Торопливые шли внутрь МУ.

Собрать улики и искать пропавшего товарища.

Идея подобного самостоятельного (и самоистязательного) похода родилась в голове Игга Мухомора, который неожиданно решил, что злокозненное начальство университета что-то от него скрывает.

Отдуться, как всегда, пришлось подчиненным.

Капралы потихоньку сглатывали веревки, длины которых должно было хватить, чтобы дойти до края Лоскута, а Лахов с Калисом медленно двигались по коридору. Удивленные взгляды преподавателей и студентов со звоном отскакивали от их героических фигур.

Веревки служили надежной гарантией того, что славные стражи порядка выберутся из здания МУ и не повторят незавидной судьбины предшественника.

О том, что именно (помимо сержанта Ргова) они ищут, Торопливые старались не задумываться. Об этом они не имели никакого представления. Они просто выполняли приказ.

Первые шагов сто все шло хорошо, хотя никаких улик видно не было. Пройдя длинным унылым коридором, Калис и Лахов оказались у основания темной, идущей вверх лестницы. На ней что-то шевелилось.

– Стой, стрелять буду! – неожиданно завопил сержант, пришедший после вискаса в несколько возбужденное состояние. В руках его мгновенно оказались готовые к стрельбе арбалеты.

– Сержант, смирно! – крикнул Лахов, испугавшись почти до мокрых штанов. Пара стрел, засевших в любом из студентов МУ – и особо ретивым стражам обеспечено весьма печальное будущее, по сравнению с которым жизнь раба на каменоломнях – просто курорт.

Калис, в организме которого рефлексy столкнулись с агрессивностью, на мгновение застыл, как парализованный, потом дернулся, и с различимым скрежетом вытянулся в струнку. Арбалеты дисциплинированно прилегли к бедрам.

Привычка повиноваться приказам победила.

– Вольно, – слыша, как дрожит его голос, сказал лейтенант. – И оружие без моего приказа не обнажать! Вам ясно, сержант?

– Так точно! – ответил Калис, преданно моргая.

Шевеление выдвинулось из тьмы и оказалось объемистым преподавателем в мантии черного цвета. Он посмотрел на Торопливых с неприкрытым недоумением и сказал:

– Бродят тут всякие... Бутылки, небось, собираете?

Лахов заскрипел зубами, одновременно хватая Калиса за руки. Из родного Лоскута тот привез привычку отвечать на оскорбления лишь двумя способами – стрелой или кулаками.

Пыхтя, маг проследовал мимо. Похоже, он так и не понял, насколько близко оказался к тяжким телесным повреждениям.

– Спокойнее, – проговорил лейтенант. – Идем дальше! Помни, мы не на рынке! Тут почти любой может превратить тебя в жабу! Что, хочешь сидеть в болоте и обедать комарами?

Калис мрачно засопел, но ничего не ответил.

Преодолев пару пролетов, они очутились в другом коридоре, куда более широком и уходящем в обе стороны, насколько хватало взгляда. В противоположной стене чернело прямоугольное отверстие.

За ним, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, оказалась еще одна лестница. Узкая, и ведущая к темной двери, на которой серебрились какие-то закорючки, похожие на стадо пьяных червяков.

Тут между стражниками возник спор.

– Нужно спуститься туда и обследовать это место, – твердо заявил Лахов. Твердость его слов немного испортили бегающие глаза и легкий румянец, неожиданно объявившийся на щеках.

– Не нужно! – ответил Дука Калис, понимая, что лейтенант желанием идти вниз не горит и делать это придется ему.

– Что нам приказал МЕНТ? – грозно нахмурил брови Лахов. – Осматривать все подозрительное! Это место – самое подозрительное из всего, что я тут видел!

– Ничего в нем нет подозрительного! – стоял на своем Калис. – Обычный подвал...

Но против прямого приказа возразить он ничего не смог, и сержант, поминутно оглядываясь, принялся спускаться по лестнице. Зловеще заскрипела открываемая дверь.

Некоторое время ничего не было слышно. Лахов нетерпеливо мялся у лестницы, стискивая потеющей ладонью рукоять меча.

– Ну, что там? – выкрикнул он, не выдержав.

– Все ничего, – донесся сдавленный отчего-то голос Калиса. – Труп нашел...

– Так тащи его сюда!

– Так он меня не пускает! – ответил сержант еще более приглушенно.

– Чего? – и лейтенант с мечом наперевес собрался ринуться на помощь соратнику, когда его мягко, но уверенно постучали по плечу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.